

18+

Виктория Чуйкова

Искушения

роман

Виктория Чуйкова

Искушения. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28953430

ISBN 9785449028273

Аннотация

Ольга Гай – глава и старейшина рода бессмертных. Ольга устала от главенства, от ответственности, да и от самого современного мира. Но! Она любит жизнь и не собирается с ней прощаться. Отделившись от семьи, она наблюдает за тем, как оставшись без ее поддержки, они противостоят искушениям. Она ждет, когда же они оступятся, преодолевая подножки судьбы. Ждет, не зная, подставит ли им свое плечо. Да и стоит ли? «Искушения» – восьмая книга серии «ВеЛюр».

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	29
Глава 4	50
Глава 5	62
Глава 6	75
Глава 7	97
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Искушения

Роман

Виктория Чуйкова

© Виктория Чуйкова, 2024

ISBN 978-5-4490-2827-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
«Моя Жизнь... Поточное течение дней. Да, если подумать, у кого она иная. Однообразие, сменяющееся по кругу: рождение, бытие, смерть. Все! Три составляющие, которые люди пытаются растянуть до максимума. А что меняется? Только нравы!

Жизнь... Столетиями я не задумывалась о ее смысле – жила, выполняя требования и условия, четко соблюдая рамки дозволенного, и меня это устраивало. Да, устраивало полностью! Мудрецы говорят – «Как часто мы забываем о своих грехах, перечисляя их только себе». А я не помню своих грехов вообще. Все что было, то было. И если я до сих пор жива, значит, именно так была запрограммирована моя жизнь сверху. Ни о чем не жалею, ни о чем! И все же, меняются нравы, но не сама жизнь.

Теперь бы мне труднее было предъявлять законы последователям. Я отстранилась. Это было необходимо не только мне, это было нужно, прежде всего, всем вам. Чтобы обрели свободу, почувствовали запах современной жизни, не оглядываясь на меня, мои устои, понятия.

И вы, даже не подозревая, расправили крылья и понеслись навстречу новому миру.

А я... Мне осталось только думать и вспоминать, припоминать все прожитое и задумываться над ним.

Чем была наполнена моя жизнь? Какие жили и живут во мне Чувства?

Страх перед смертью был, но пока я была ребенком. Боль о потере близких ушла в один день с детством – когда так жестоко ОНИ лишили жизни двух близких мне людей. И я затаилась, переболела, пересмотрела все, что могла пересмотреть. Я выжила, окрепла и спрятала свое сердце в ледяное обрамление. А зачем мне оно, когда вокруг только жестокость. Как я смогу помочь тем, кто во мне нуждается, болея за них?

Даже Вам, мои родные, было нужно только мое хладнокровие, рассудительность, реакция и защита. А еще мои мозги и дар. И я дала все это. Ничего не прося себе. Мне ничего не надо. Я ничего не хочу. Я даже забыла свой возраст, я не помню дня рождения.

Но я помню ВЕСЬ РОД! Я его создала, я его берегла, я его содержала! Хотела ли я этого? Скорее да. Мечтала я

о столь долгой жизни? Вот тут – нет. Элементарно втянулась, Попросту привыкла жить. Просто-напросто был контракт, и я его выполняла...

Ах, да, забыла – Любовь! Вы так часто повторяете это слово. ЛЮБОВЬ! Как же без нее?! И я любила, по своему, как умела. Сначала родителей – их не стало. Потом мужа – отдала ему все, а он продолжал быть верен Ей. Той хрупкой, несмелой, непокоренной, оставшейся в далекой юности...

Уважение и покорность – я получила взамен своей любви. И я приняла! Потом сын. Любовь к нему закрыла мои глаза на многое и научила прощать. Затем внуки – тут вообще все запутанно. Чтобы я не делала, как бы ни стучалась к ним – в ответ получила только сухое выполнение требований. А ведь вся жизнь – это сплошное сплетение требований и их выполнения!

Любовь! Это всего лишь слово, звук, мечта – быстро растворяющаяся...

Теперь я не у дел. Что изменилось? НИЧЕГО! Я лишь выполнила один пункт договора, даже не зная, качественно или нет. Не вникая, сколько мне еще осталась влачить свое существование. Я не знаю, что творится за пределами моего заточения, не ведаю, почему все еще жива и запуталась: где видения, в которые я погружаюсь против своего желания, а где сама жизнь.

Простите за все, если сможете.

Не корите за это письмо – не умею писать теплых пи-

сем. Да это и не письмо, так записка, на случай если больше не увидимся.

Не оправдываюсь – поясняю. Возможно – советую. Выбросьте из сердца все чувства, они его ранят и укорачивают жизнь.

Ольга»

Глава 1

Она открыла глаза от нежного голоса, зовущего ее. В открытое настежь окно залетал майский ветерок, пошалил немного с занавесками и умчался, оставляя за собой тихий голос, доносящийся с улицы:

– Милая! Ты услышь меня, под окном стою...

Виен опустила ноги, сделала шаг и, отодвинув горшок с буйно цветущим гиацинтом, наклонила голову к переплетениям изогнутой решетки, закрывающей половину окна, увидела мужа, не бывало веселого. Он стоял, одет в легких светлых брюках и сорочке на выпуск, ворот которой расстегнут, хотя, проще сказать, рубашка была застегнута лишь на две нижние пуговицы:

– Спустишься? – тихо спросил он, поднимая руки вверх.

– Пять, нет, десять минут! – так же тихо ответила Ви и исчезла. Носилась по комнате, как школьница, чистя зубы на ходу, одновременно выбирая платье. Наконец, она собралась, одевшись в легкое, небесно-голубое платье, прихватив жакетку, полетела вниз.

Входная дверь была открыта и еще из парадного их особнячка, она увидела сияющий, бежевый Кадиллак, с открытым верхом:

– Где ты его взял? – спросила так просто, даже не ожидая ответа. А Жан, открыл перед ней дверцу, поцеловал руку

и прежде чем сесть за руль, достал с заднего сидения ветку белой сирени. Приняв, невольно бросила взгляд туда, откуда он ее только что выудил и восторженно вскрикнула: – Это мне? – искренне радуясь простым, садовым цветам, закрывающим все заднее сидение.

– Тебе, и не просто так... С днем рождения! – говоря все еще тихо, словно боясь разбудить родителей, будто школьник, сидел, развернувшись к ней, положив руку на руль, так и не заведя мотор. Умилялся ею и не решался даже поцеловать. – Вижу, угодил. Хотя, если бы и не знал, что ты обожаешь сирень, догадался бы.

– Это почему еще?

– Ну, вот, опять требуешь ответа. Ты сегодня с утра настоящая почемучка! Как новорожденный.

– А мне и не обидно. Ах да, спасибо! И куда мы?

– Я тебя похищаю! – заявил Жан и рванул с места, с ветерком завернул за угол, сделал круг вокруг имения, словно пытался ее запутать.

– У себя же! – рассмеялась Виен и откинула голову на спинку сидения.

Май! Сад весь утопал в бело-розовом цвете. Лучи восходящего солнца пронизывали каждый цветок, делая его перламутровым. Лепестки кружились, падая на землю, как огромные снежинки, застилая собою все вокруг.

– Так куда мы? – не выдержала, невольно радуясь, что выбрала именно это платье, выбивающееся из бело-розовой

гаммы.

– Не далеко! – теперь он вел машину совсем медленно, лавируя между деревьями, увозя ее вглубь сада.

– Это мне и так понятно! Твои же угодья.

– Наши, родная, наши! – крикнул он, оставив все предосторожности. – Столько лет живем вместе. Когда же ты привыкнешь?!

Они проехали конюшни, повернули к дальнему уголку имения, выходящему на бухточку, где ровными рядами стояли десятка два старых яблонь. Под деревьями виднелся круглый столик и два белых кресла. Тонкие кружева скатерти, свисающей до самой молодой травы, танцевали в порывах ветерка.

– Ух, ты! – вырвалось у Виен. – Это ты для меня?! Не верю! – заметила игриво, поглядывая на него из-за ветки сирени.

– А ты видишь здесь еще кого-то? – усаживая ее, спросил муж, улыбаясь. Открыл шампанское и разлил по бокалам. – Любимая! – сделал паузу, собрался было сесть, но задержался: – Еще раз, с днем рождения! Пусть твоя жизнь будет чиста, как этот цвет, игрива, как это вино, нежна, как ветерок!

– И приносила удовольствие, как эта клубника! – засмеялась, видя его волнение, любясь им, думала: «Столько всего прожито за эти годы, а он впервые так переживает, говоря такие простые вещи, да еще наедине. Или потому, что наедине?»

– Точно! – кивнул Жан, а Виен опять засмеялась: «один ответ, на все вопросы». И не отводя глаз, не выпуская из рук бокал, не сделав даже глотка, проговорила:

– У меня еще, никогда в жизни, не было такого праздника! Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ! С утра шампанское, собственный муж такой непредсказуемый и загадочный. Да усядься ты! – он послушно присел, а Виен, дав ему возможность вдохнуть полной грудью, поинтересовалась: – Что же будет дальше?

– Все, что захочется! – раскрепостился, выпил все до капли. – Попробую быть твоим волшебником. И еще! – он снова наполнил бокалы. – Виен, родная моя, прости меня за все годы не внимания.

– Это ты круто завернул... Годы! Твоего невнимания ко мне и месяца не наберется. Проехали, не порть мне, тобою же сделанную сказку. Значит, говоришь – волшебник! А где же голубой вертолет?

– Вертолет?! Балбес! А ведь мог же и додуматься. – Жан растерялся, закусил губу, предполагая, что Виен мечтала именно о путешествии, или действительно хотела вертолет, а не банальный завтрак в собственном саду, но она сжала его кисть, с обожанием глядя в глаза:

– Прекрати! Шуток не понимаешь.... Мне достаточно и Кадиллака. И какого он года?

– Семидесятого, практически ретро. Я его реставрировал, специально для тебя.

– Для меня?! – она оглянулась на машину. – Да, уж..., мы

с ним, почти ровесники.... Хотя..., он все же младше... – Виен не забыла свой возраст, она решила, что Жан может принять ее слова, как кокетство, чего она с ним, никогда не допускала. Да и вообще – ни с кем! Их долгая, выдержанная полувеком любовь и без того была полной. Но это утро.... В ней опять разыгралась юношеская застенчивость и Ви попыталась отвлечься, чувствуя, как щеки покрываются румянцем: – Ты опять настаиваешь, что бы я села за руль?

– Сколько можно бояться?! – Жан никогда не понимал ее, пожалуй единственного, страха вождения. Сморщил лоб, поднялся и пошел к машине. А Виен подняла голову, прикрыла глаза и вдыхала благоухания сада. Она очень любила весну!

Прошел год, как дети разъехались, оставив их с Николая, в этом доме. Огромном, до неприличия. Это был целый Год, как они не носились по звону колокола, выполняя указания свыше. Двенадцать месяцев, как они с Жаном жили просто для себя, порою, не встречаясь с отцом по нескольку дней и видя Леру, приемную дочь их детей, только на выходные. Это было время, странных и меняющихся ощущений: с одной стороны, всего лишь год спокойной жизни и целый год, как они встречались с детьми и внуками только на праздники. Да, время – понятие растяжимое, непостоянное, многозначимое!

Солнечные лучи играли на ее ресницах, калейдоскоп цветов менялся со скоростью света, и ей было хорошо, по на-

стоящему, хорошо! Она увидела приближающуюся тень, открыла глаза и прищурилась на миг, от яркости солнечных лучей. Жан шел назад, держа в руках ее жакетик и еще что-то, чего она даже не пыталась разглядеть.

– Не по сезону, конечно, – набросил он ей на плечи огромную, пушистую шаль, – но знаю, как тебе была дорога та, старенькая шаль, что Чери присвоила.

– Чери.... – с грустью в голосе повторила Виен, перед глазами сразу стало видение ее старенькой, очень древней кошки, спящей сутками, перебираясь с места на место, бурча, но все так же держа хвост трубой. Сглотнула минутную грусть, склонила голову, прижимаясь щекой к его прохладной руке. И, эта «ментоловая свежесть», остудила ее, но тут же разлилась жаром по всему телу: – Жан! Голос от волнения слегка осип, но Ви не замечала, продолжая говорить: – Это катастрофически приятно! Такая нежность, всегда по сезону. Мягко! – его руки скользнули по плечам, задержались на руках. Виен провела щекой по ворсу и всполошилась: – А это, случайно не намек, что ты скоро возобновишь свои отъезды?

Муж поцеловал ее в макушку:

– Пока не собираюсь! – опять прикоснулся губами к ее голове и отошел: – Виен, я клянусь, что впредь не оставлю тебя, без крайней необходимости. – склонил голову к ее руке, и слегка коснувшись губами, спросил: – Ты взгрустнула, вспоминая о кошке.

– А что скрывать, конечно, я просто жду ее уход, со дня на день.

– Милая, прости, но это не в моих силах. Не могу я кошку сделать бессмертной, не имею права.

– Да я понимаю! Жан, от этого никуда не деться. Просто, понимаешь, я к ней привязалась. Давай не будем сегодня об этом. – сделала глоток, вернула улыбку, наблюдая за ним: – Чем предлагаешь заняться?

– Как это чем? Кутить весь день! – уселся, но не облокотился о спинку стула, не взялся за бокал, просто положил руку на стол, постукивая пальцами: – Давай напьемся и будем делать маленькие глупости, не думая о возрасте, приличии и прочем.

– Весь день? И только вдвоем? – потянулась вперед, накрыла ладонью его руку, возвращая себе тот волнующий трепет, и заглянула в глаза. Она любила «нырять» в покой его глаз, цвета гречишного меда. Только сегодня они изменились, и Виен впервые заметила это и, еще больше замерла душа. Сегодня они напоминали ей смолу вишневого дерева. Такие же темные, с янтарной прозрачностью, влекущие до головокружения!

– А что нам мешает? – моргнул и освободил ее.

– Ничего! Только, я телефон забыла. – вздохнула, понимая, как ей с ним хорошо! Как же он красив, в свои-то, даже страшно подумать, годы! Жан недавно изменил прическу, сделав совершенно короткую стрижку, задиристый ви-

хор, заставлял короткий чуб торчать, от чего муж казался еще моложе, вот только несколько седых волос выбивались из его черного «ежика», но это было даже пикантно. Открытый взгляд, аккуратные брови, ровный нос. Губы тонкие, чуть темнее чайной розы, такие нежные, невероятно пыльные. Глаза Виен скользнули на чисто выбритый, властный подбородок, как Жан вернул ее из раздумий:

– А зачем он тебе?

– Как это? А дети? Может, вспомнят и позвонят.

– Опять грусть – печаль.

– Жан, они забыли! – засмеялась она. – Это двойное чувство: с одной стороны, как бы в новинку, а с другой – я же еще не настолько стара, чтобы...

– Вот с чего ты взяла, что они забыли?! Зачем заводишь себя?

– У Дэна новое увлечение – постигает лечение Йогов. Ев с ним. – Виен опустила голову и принялась царапать и сразу же разглаживать скатерть. – А у Эда с Вел... Да ты и сам знаешь.

– Ну вот, еще слез мне не хватало! – открыл еще одну бутылку, дополнил бокалы, и поднял: – За жизнь без слез!

– Спасибо! – сделала два глотка и, не выпуская хрусталь из рук, подняла его вверх, прикрыв один глазик – наблюдая преломление лучей. – Я не расстраиваюсь, я все понимаю! Но очень скучаю. И на этом все! – взмахнула головой, расправила плечи: – Где твои глупости?! Напои меня, и я,

наконец, сяду за руль этого монстра, покалечу, десятка два невинных деревец и на утро, сгорая от стыда, опять буду ненавидеть себя за то, что поддалась твоим уговорам. – Жан послушно налил вино. – Если так пойдет, то я скоро попрошу закуски! Я и так уже пьяна.

– Много обещающее начало. Главное – не усни!

– Я никогда не засыпаю, когда пью!

– О! И что я еще не знаю? Ты пьешь?!

– Да ну, тебя! Начал придирааться к словам. И чего это ты постоянно смотришь на часы?

– Не постоянно, а первый раз. Пора завтракать! А еще, выдам тебе небольшой секрет, ужин я беру на себя. Буду готовить сам и только для тебя!

– Вау! И закат встретим здесь?

– Если захочешь. Это твой день!

– Еще бы! – взяла бокал, но пить не стала, только втянула запах и поставила на стол.

– Вернуться не хочешь?

– Можно, – прищурила глаза, – если шампанского больше нет.

– Ты, оказывается, можешь забыть о мере. Что ж, выбери: едем домой, кутить дальше, или я все привезу сюда? – Виен рассмеялась, прикрыв лицо руками. – Ты чего, смешинку проглотила?

– В доме напиваться лучше, есть туалет! Прости! Просто мне эта ситуация напомнила фильм. Ну, сам посуди, там все-

гда герои в узком пространстве и им ничего не надо – ни душ, ни прочее.

– Хохотушка! Поехали, буду баловать тебя вкусеньким и всем, что к нему прилагается! – он подхватил ее, кружа, поднес к машине. – За руль?

– Только трезвой!

Взяв охапку сирени, Виен пошла в дом, не дожидаясь мужа.

– Ой! А я и не заметила.... – едва глаза привыкли к темноте помещения, Виен заметила, что все вазы, на пролетах лестницы, были наполнены различными сортами сирени. – Ты что, весь сад опустошил? – крикнула она Жану. – Кто из соседей предъявит иск?

– Это не я! – ответил он снизу.

– Как не ты? – остановилась и ждала.

– Сам удивлен! – Жан шел не спеша, держа в руках все, что она забыла в машине, разглядывая каждый вазон: – У тебя, оказывается, еще и поклонники имеются!

– С днем рождения! – услышали они голос Михаила, старшего над охраной и близкого друга Жана. – Надеюсь, не убьет меня твой ревнивец?

– Не убьет! – обняла его Ви. – Он сегодня не муж, а волшебник. Теперь я понимаю, что ему будет легко творить волшебство, с таким штатом помощников. Михаил, а как догадался, что я ее люблю?

– Так об этом все знают. – простодушно ответил мужчина.

– Сюрпризы! – поцеловала она его в щеку. – Спасибо! – прижалась к стене, пока Жан, соблюдая этикет, уважение и любовь, открывал перед ней дверь. А к ним уже шел Николай, с небольшим серебряным ведерком, полным ландышей:

– Я так, скромненько! – пояснил отец. – С днем, сама знаешь чего, дочка!

– Николай, огромное спасибо! В этом ведерке, частичка души! И это намного значимей откупа. Ах, родные, если бы вы только знали, как приятно отмечать свой день в кругу настоящих мужчин: осыпанной любимыми цветами, с головы до самых ног. С клубникой в шампанском, или наоборот.... Ник! Ты хоть, не умчишься сегодня, куда-нибудь, по неотложным делам?

– Я? Умчаться? А у нас сегодня что-то намечается? – разыгрывая удивление, спросил Николая: – Тогда – нет!

Запах детства и ранней юности ударил ей в лицо, лишь приоткрыли дверь.

– Садовые тюльпаны и яблоневый цвет! – не поворачиваясь к комнате, проговорила она. – Я угадала?!

– Откуда мне знать, я был с тобой все утро. – пожал плечами Жан.

– Откуда?! Это ты мне скажи, как ты мог вернуть мне радости юности? Это, этого же никто не знал! – Она отдала ему все цветы и вошла – гостиная, спальня пестрели яркими цветами, разбавленными бело-розовыми лепестками яблоневого цвета. – Мне всегда, в школе, а потом и дальше,

парни дарили такие охапки. Подруги смеялись, что не розы, ни гвоздики и прочее, а мне это было, как глоток воздуха! Розы – это прекрасно, но они круглый год, а эти, простые цветочки, момент, дорогой, яркий и на всю жизнь проникающий в сердце!

– Так значит парни?! – закрывая дверь, уединяясь от всего дома, Жан замер у входа, пока она, витая по прошлому, прикрыв глаза, раскрывала секреты юности:

– А ты как думал? Я нормальный человек. – оглянулась, а он уже исчез, унося за собой аромат сирени.

– И много у тебя было парней? – поставил букет в заранее приготовленную напольную вазу и подошел, подхватывая подарок отца.

– Есть сомнения? – глянула на него Виен, прищурив глаз. – Достаточно, чтобы вспоминать на склоне лет! Поставь, пожалуйста, ландыши в спальню.

– На склоне! Тогда ладно. – отнес и уже стоял рядом, обняв за талию: – Сегодня же, хоть половинку дня, посвети мне!

Шаль упала на пол и руки Виен взлетели на его плечи.

Глава 2

Яркое солнце безжалостно пробивалось сквозь тонкую штору окна. Виен, повернувшись на бок, сдвинула голову в тень и, сложив руки под щеку, спросила:

– Ты меня сегодня кормить собираешься? От двух клубник в шампанском, и следа не осталось...

– Ого! – Жан глянул на часы. – Солнце в зените, а мы еще не завтракали. – вскочил, засуетился, забежал по комнате собирая свои вещи, так же спешно оделся и, послав ей воздушный поцелуй, направился к двери: – Я убежал готовить!

– Давай! А я приду, взглянуть на тебя, да и поруководить. – натянула к подбородку простынь, села опираясь о спинку кровати и достала мобильный. Несколько пропущенных вызовов, в том числе и от детей, а так же две смс, приблизительно одного текста: «Муль! Не дозвонились. С Днем Рождения!!! Всего, всего!!! Надоест праздновать в одиночку – звони!»

И она позвонила, но ни один из телефонов детей не ответил.

– Ну и ладно, перезвонят! – отправила сотовый на тумбочку, потянулась, поднялась, кутаясь в простынь и направилась в душ.

Виен – жена, мать, бабушка. Невысокого роста, на голову ниже своих дочерей, а уж мужчин и того больше. Худенькая,

ладная, темноволосая. Под сводом длинных ресниц всегда сияют голубые, как майское небо, глаза и сереют, если она злится. Курносый нос, маленький рот, две ямочки на щеках. Матовая, персиковая кожа, и мягкий голос. Ей за шестьдесят, а она все еще любит мужа, волнуется за детей, обожает и балует внушек. Она плачет от радости и смеется трудностям в лицо. Наиглавнейший подарок Жана – бессмертие, с уникальным даром, слышать мысли. Но сегодня дар молчал, возможно, Боги тоже решили сделать ей подарок.

Практически закончила макияж, когда вернулся муж и с серьезным лицом, стоя в двери, сообщил:

– Обед готов, сударыня! Мужчины ждут.

– Иду, иду! – махнула рукой, улыбающемуся в зеркало мужу, еще раз взглянула на себя, – Собственно, для кого я наряжаюсь?

– Для себя, милая, я ж тебя люблю, какая есть!

Спустились вниз и Жан, опять церемонно склонился, открывая перед ней дверь.

– С Днем Рождения, мамуля! – закричала семья, свистя и стреляя в хлопушки, внуки верещали, а дочери продолжали смеяться, радуясь, что удался сюрприз. – С Днем Рождения тебя! – по очереди расцеловали ее ИВ, Игорь и Жаннетт!

– Вот ведь шпионы – спасибо! – отвечая на приветствие, стирала она слезы радости.

Обед медленно перетек в ужин. Затем Вел взяла все в свои руки и увела всех в кинозал, на демонстрацию очередного

своего шедевра, под коротким названием: «МА». Усадила мать в центре, положила обе руки на плечи, став сзади, словно удерживая ее от побега, а Виен и не собиралась никуда убегать, как и расставаться с самыми дорогими подарками – открытками, сделанными ручками внучек.

– Скоро будет салют – напомнил семье Эд. – В честь нашей мамочки!

– Ой, салют-то, рановато, – засмеялась она, – давай обойдемся фейерверком. И вообще, Вел и все-все – спасибо! Праздник удался!

Звонок в центральную дверь, насторожил буквально всех, Виен даже вздрогнула:

– И кто еще? – оглядев семью, спросила она. – Вроде все в сборе.

– Я открою. – Жан быстрым шагом удалился, пришел раньше охраны, однако там уже никого не было. – Странно! Не могло же послышаться всем?! – произнес он, вглядываясь вдаль, решил выйти, посмотреть террасу и подъездную дорогу, но споткнулся об коробку, средних размеров. Поднял, осмотрел, прислушался, еще раз покрутил в руках – никаких обозначений. Белая бумага, заклеенная со всех сторон. Не пустой. По весу – килограмма два. Жан задумался:

– Да нет! Кому нужно подкладывать что-то опасное?! Скорее, кто-то хотел сделать сюрприз Вилен. – Сделав несколько шагов, остановился. – Лучше перестраховаться! – и набрал номер старшего сына: – Эдгар, пожалуйста, спуститесь

с Дэнном, но так, что бы Ви ничего не заподозрила.

– Что случилось? – они появились практически сразу и у обоих был встревоженный взгляд.

– Вот, нашел у двери. Возможно, кто-то решил так Виен поздравить, но... – Жан так и стоял на том же месте, где нашел «подарочек», прижимая его к себе.

– Да все правильно. – Эд положил руку на ящик и опустил голову, прислушиваясь. – Безопасность нам не повредит. Проверим и отдадим. – они сразу ушли в мастерскую и Эд, достав свою проверенную аппаратуру, прослушал пакет. – На взрывчатку не похоже, тихо там.

– Ага, если часовой механизм, – сказал Дэн. – то понятно, а если там, что-то современное?

– Так! – Жан подошел ближе, – отойдите. Открою сам, а то вы начнете это просвечивать и прочее. Потратим уйму времени, и Виен забьет тревогу.

– Только осторожно! – попросил Эдгар, но послушно отошел.

– Сам знаю! – Жан медленно подрезал один конец, не на стыках, рядом. Проволоки не было. Разрезав по кругу, снял одну сторону, затем вторую. Все было чисто. Простая картонная коробка. Проверив крышку, Жан поднял ее и в удивлении брови его взлетели вверх – в глаза сверкнул золотой вензель, начищенный, крупный.

– Можно расслабиться! – успокоил он сыновей, доставая очередной ларец.

Ярко красный, собранный из различных размеров рубинов, без мозаичного рисунка, просто подогнанных по размерам. Края, как и в предыдущих, отделаны золотым кованным рисунком. На крышке монограмма из двух букв кириллицы: «Б» входящая в «В».

– Укладывай! – сказал Эд. – отдадим Виен, словно и не видели. Уверен – это для нее, а потом поломаем голову от кого, зачем и для чего.

Все давно переместились в большой колонный зал второго этажа, где в столовой сменили ужин, на легкие закуски, сладкое и напитки. Виен с девушками сидели у открытой балконной двери, внучки выплясывали, Ив и Ник курили на балконе.

– Вы нас не потеряли? – появился первым Дэн, как всегда с улыбающимся и счастливым лицом.

– Пока нет – ответила Ев. – Но еще немного и возможно, что да. Где отлучались, кого веселили?

Дэн кивнул на Жана, не собираясь, пусть и шутливо выяснять отношения в такой день.

– Родная! Возможно, у тебя есть тайный поклонник. – громко говорил Жан, торжественно ступая рядом с Эдом и неся в вытянутых руках коробок. – Вот оставили у двери. Извини, открыл. Была без подписи и подарочной упаковки.

– И правильно сделал. – Виен даже не поднялась, ожидала его приближения. – Что там?

Жан поставил на стол коробку, прищунив глаз, глянул

на лица женщин и достал из нее ларец.

– Сколько рубинов! – воскликнула Жаннетт, подлетев ближе, и сразу же принялась ее ощупывать.

– Да! Интересная вещичка – погладила его Виен. – И что, никаких признаков хозяина?

– Нет! – ответил Жан.

Жаннетт рассматривала ларчик очень внимательно, наклоняясь все ниже и ниже, не заботясь, что Ви его даже не успела, как следует увидеть.

– Забавная вещь. – проронила Жаннетт. – Старинная. Там есть что-то, внутри, но она не открывается. Вы видите замочек?

– Нет! – ответили девушки, хотя Вел так и тянуло заняться ею прямо сейчас. Виен встала, бросила на ларец быстрый взгляд:

– Потом разберусь – отодвинула в сторону, почесала нос, как бы унюхав нечто необычное. – Где мой фейерверк? – и первой направилась к выходу.

Ночью Виен накрыли сны, тревожные, захватывающий дух, скрывающиеся за пеленой одного цвета – крови. Лица незнакомых людей, на которых читалось, то удовольствие, то наслаждение, приближались к рубиновому барьеру, расплываясь и удалялись, кружась в вихре гуляющего, воющего волком ветра. Она ворочалась, отгоняла сон, но он догонял ее, повторяя последние мгновения, продолжался.

– Чего так рано? – Жан не открывая глаз, обнял ее, прижался и уткнулся носом в плечо.

– Не спится. – отодвинулась она. – Где шкатулка?

– В кабинете. Я убрал ее от всех подальше.

– Жаннетт будем рассказывать про коллекцию? – не обращая внимания на его сонное состояние, Виен продолжала задавать вопросы.

– Не стоит. – зевнул Жан и открыл глаза. – Она через время отвлечется от него и забудет.

– Думаю да. – кивнула Виен и передумала подниматься, устала в потолок, задумалась.

Жан приподнялся.

– Задумчивая. Снилось хоть вещее?

– Кровь, лица незнакомцев. Ничего существенного. Уйдет к обеду. Лучше скажи, планы на сегодня есть?

– Конечно! А не отправиться ли нам, всем вместе, на шашлычок? Поиграем с детворой на природе.... – Виен засмеялась, удивив его. – Ты чего?

– Да как-то, извини, смешно. Живем, окруженные той самой природой, а как что-то случается, так ищем место для шашлычка. Ну, не надо хмуриться. Я за вылазку! Я с удовольствием объежусь приготовленным тобою мясом!

– То-то! Я говорю не о нашей площадке, но и не в общественные места. Отправимся к конюшне, заодно и покатаетесь. Малышек уже можно приучать к седлу. Лера выросла, пони перейдет к ним.

– Да, выросла! Но вот подарок останется ее. Попросим в аренду. Я тут днями наблюдала за ней, Лера лучше нас держится в седле и лошади все ее любят. Труби сбор. Тем более что Нийка уже командует и с минуту на минуту начнет носиться по этажам.

– Вся в тебя. Я еще не проснулся, а ты уже командуешь.

Жаннетт уехала в июне. Пробыв у них месяц, насытила их своим позитивом и беззаботностью, так и не вспомнив о шкатулке. Все это время семья была в полном сборе и, как не странно, никто никуда не торопился. Казалось, все забыли о неожиданном сюрпризе от тайного посланника, пока Жан, в один из вечеров, не уточнил:

– Что с ларцом делать? Отнести вниз или пусть пока стоит у меня в кабинете?

– Ларец! – воскликнула Виен. – А я о нем забыла. Хочу взглянуть на него еще раз, а потом и решу, что с ним делать.

– Сейчас принести?

– Пожалуйста!

Виен сидела, долго осматривая вещичку, глядя его двумя руками, потирая монограмму, нажимая на буквы:

– Что же ты такое? – шептала она, но в голову ничего не приходило. Ни малейшего намека, ни капли догадки: кто подбросил, а главное – зачем?!

– Все мудришь? – Жан ушел, пришел, а она все еще не отошла от подарка:

– Увы. Ни одной наметки! Радует лишь то, что и плохого предчувствие не возникло. Убирай, займись в долгие зимние вечера.

Глава 3

Жизнь необычной семейки Гаев, из небольшого Рода бессмертных, не стояла на месте. Вот уже и шестилетние двойняшки, развитые не по годам, готовились к школе. Споров по выбору учреждения не возникло, определили их в школу, куда ходила старшая, приемная, дочь Валерия. Так же незаметно подошел день аттестации Славок.

– Влада, Мира! – заглянула в детскую Вел. – Мы опоздаем. Собирайтесь быстрее.

– Я не хочу! – неожиданно заявила Владислава.

– Что? – не поверила своими ушам Вел, от неожиданности не нашлась, что сказать и определив руки на пояс, уставилась на дочку.

– Ну, что смотришь. – тут же заявила девочка и даже топнула ножкой: – Я не хочу!

– Мне позвать отца? – настроение Вел менялось и она начинала сердиться.

– Испугала. – хмыкнула дочь и уселась на диванчик, задрала ноги.

– Владислава! Как ты разговариваешь с мамой?! – возмутилась Вел.

– Не кричи на нее. – заступилась Мира, став между ними.

– Девочки! Сегодня важный день. Вы сейчас же одеваетесь, спускаетесь, сдаете экзамены, и я вас накажу. Если вы

не хотите одеваться сами, я позову Катерину, но вас одену, свожу и накажу. Только тогда уже строго.

– Ой-ой-ой! – скорчила мордашку Влада. – Страшно!

У Вел дернулась рука, всыпать дочери, впервые, по полной программе, но она сдержалась:

– Не зли меня! – сказала твердо, выпрямилась, как стальной прут и зыркнула на них сердито. – Не напрашивайся. Ударю раз, трудно будет остановиться.

– Милые, ну что так долго? – Эд, не дождавшись их, открыл дверь и, как оказалось, вовремя.

– Вот! – показала Вел рукой на дочерей. – Не хотят ехать.

– Славки! Нас ждут великие дела! – заявил он весело, не понимая в чем загвоздка.

– Ой, па, прекрати. – не двигаясь с места, Владислава махнула рукой и скосившись на мать, отвернулась: – Великие дела! Подумаешь – противные тетки будут сидеть с умным видом, типа им интересно, а сами нибельмеса не понимают. Да и все давно решено – деньги рулят! А деньги у нас есть. – она глянула на сестру, затем на отца и поднялась: – Ну, ладно, съездим. – сделала одолжение. – Только, чур, мы не виноваты.

– В чем? – хватая ее, переводя все в шутку, спросил Эд и, надев на нее юбочку, застегивал сандалики.

Вел заплела Миру и передала ее Эду, взявшись за косы Влады.

– Больно! – заверещала девочка, – что ты, как граблями.

Эд вздрогнул, тон ребенка его удивил, но выдержал и это. Затем подхватив детей под мышки, снес в машину. Усадил на заднее сидение и пристегнул. Дорогой молчал, обдумывая поведение детей, негласно решив, сначала, обговорить без их присутствия. Шлепок, вскрик привлек внимание родителей – девочки подрались. Эд остановил машину, оглянулся к ним:

– Не понимаю. Что с вами происходит? Вы же умные девочки.

– Ничего! – сложив руки на груди, говорила Влада: – Растем!

Мира терла красную руку, на глазах были слезы, однако тоже не спешила пояснять причину.

– Значит так. – Эд уже понял, советоваться поздно, надо принимать меры: – Или вы успокаиваетесь, мы едем в школу, а затем, как и планировали, я отвожу вас на неделю в детский лагерь. Или мы немедленно возвращаемся домой. Вы лишаетесь всех развлечений на все лето, даже Диснейленд! А так же сладостей и поездки к Агнии.

– Кому она нужна. – скривилась Владислава. – Малявка!

– Владислава! – не выдержала Вел и вмешалась в разговор. – Все Эд, поворачивай домой! Уж там я пробужу в себе зверя!

– Ну, ладно, не парьтесь, везите в школу. – заявила Влада, отворачиваясь к окну.

– А ты что скажешь, Мира? – обратилась к дочке Вел.

– Мне все равно. – всхлипнула девочка и опустила голову.

Эд не тронулся с места, смотрел на них, переводя взгляд от одной к другой, тянул время, давая им осознать тяжесть такого поведения и последствия.

– Ну, едем уже! – заявила Влада. – Застыли. Опоздаем, а мы будем виноваты!

– Обещаю, мы вернемся к этому разговору. – проговорил Эд, повысив голос и, завел мотор.

В школе было людей немного. Директор распределила очень грамотно прием, чтобы не толпились взрослые, не устали дети. Подойдя к классу, всегда вежливые двойняшки не поздоровались с присутствующими, надули щеки и подперли стену. Ни Эд, ни Вел значения этому не придали, уже и так было не весело, присели поодаль от остальных. Появилась учительница и забрала детей в класс.

– Сдадут? – спросил, волнуясь Эд.

– Куда денутся. Программа, для них пустяковая. – ответила Вел. – А вот хамить дальше, будут или нет, не скажу. Сама не понимаю, какая муха их укусила.

Не успели они опомниться, как дочери появились в коридоре.

– Что опять? – подошел к ним Эд.

– Все! – дуэтом ответили девочки.

– Вы что, уже справились? – переиначил он свой вопрос.

– Конечно! Детские вопросы. – Влада махнула рукой и опять подперла стену.

Родители сдержали улыбки, но и не насторожились – учуди девочки что, преподаватель бы вышла с ними. Собрали сумки, подали двойняшкам руки, как слышали:

– Извините, вы задержитесь, пожалуйста, для личной беседы. – выглянула учительница.

– Мы можем подождать на улице? – поинтересовался Эд, чувствуя, что Владка снова напряглась.

– Я думаю, у вас есть полчаса. – взглянув на наручные часики, женщина скрылась.

– Поговорим сейчас? – спросила Вел у мужа, боковым зрением заметив, как дочери друг-другу показывают языки.

– Нет, дома. Не хочу заострять внимания. Собственно, сколько наблюдал, все дети себя так ведут, в моменты волнения.

– Наши не все! Но ты прав. Им тут учиться. – прогулявшись по школьному двору, заглянули на спортивную площадку и обогнув круг вернулись в класс. Эд усадил девочек и подвинул стул Вел.

– Присаживайтесь! – попросила девушка, задрав неудобно голову, чтобы увидеть его лицо.

Эд посмотрел по сторонам и развел руками:

– К сожалению, они меня не выдержат.

Девушка понимающе кивнула, пожалала плечами и начала разговор:

– Ваши очаровательные куклы...

– Мы не куклы! – сразу же отрезала Мира. – Мы люди!

– О да! Я фигурально. – растерялась она. – Так вот. Они первые выполнили все задания. Я посмотрела – отлично.

– Еще бы, – кивнула Влада. – для малышей!

– Простите нас, девочки сегодня не в настроение. – встал Эд и одарил дочь возмущенным взглядом.

– Я понимаю, волнение. А как у них с языками. У нас английский с первого класса.

– Это хорошо. – Эд заметил волнение учительницы. Они знали все условия, еще с поступления сюда Леры, за эти годы ничего не изменилось. – Немного знают.

– Ага! – Мира явно была на грани. – A little bit! And you, like, you say?*

– Может у девочек есть вопросы... – девушка проглотила ее реплику. – Для знакомства.

– Есть! – подняла руку Влада.

– Задавайте. – улыбнулась учительница.

– Вы сколько получаете? – последовал обескураживающий вопрос.

Девушка растерялась и смутилась еще больше:

– Вам об этом рано думать.

– А мы не думаем. – скривилась Влада. – Просто вы так безвкусно одеты.

– Девочки! – глянул на них Эд. – Простите, пожалуйста, это все из-за переживаний, защита. У вас к нам, вопросы есть?

– У меня нет! – сказала обижено девушка. Взяла тетради

и вышла, лишь кивнув головой, в знак прощания.

Эд подошел к двери, невольно сжимая кулаки:

– В машину!

Мира опустила голову, а Влада глянула на него, как рассерженная девушка. Домой доехали молча, отменили кафе, девочки даже не уточнили, за что.

– Я поговорю сам! – заверил Эд, открывая входную дверь.

– Эд! Только серьезно, не надо их жалеть. Один раз уступим, потом локти будем кусать.

– Я все понимаю, не переживай! – поцеловал он жену в щеку и зашел в детскую. Дочери, кривясь, переодевались, он помогать не спешил. Дождавшись пока они наденут домашние вещи, спросил: – И как все это понимать?

– Что именно? – Влада явно была инициатором сегодняшнего бунта.

– Ваше поведение.

– Переходной возраст. – бросила Мира и стала напротив него, в ожидании разговора.

– Я рад, что вы грамотные девочки, счастлив, что внимательные. Однако это не дает вам право грубить взрослым и унижать родителей. – Мира подкатила глазки, Влада скорчила мордашку. – Вижу, вы не хотите со мною общаться. Я тоже. Сидите здесь и думайте над своим поведением. И еще. Ребенка трудно ударить первый раз, затем, как по маслу. Не дайте мне, или маме испытать удовольствие от физического наказания. – он вышел, закрыв дверь, не взглянув даже

на их лица.

– Ты живой? – встретила Вел его в гостиной. – И что с ними стряслось?

– Это моя вина. Разбаловал.

– Нет! Думаю, тут что – то другое. Перемениться в одночасье?! Надо за ними понаблюдать.

Ее перебил телефон.

– Да, Ев, слушаю.

«Вел, у меня проблема, можешь дать Эда».

– Скажи хоть что случилось?

«Агния! Мы не можем с ней сладить».

– Удивительно! У нас тоже. Но, Эда даю. Это Ев! – сказала, передовая трубку, – у них проблема с Нией.

– Привет сестренка!

«Привет! Эд, скажи. Как вы наказываете детей. – без лишнего обмена любезностями, Ев сразу перешла к делу. – Наша съехала с катушек.»

– Евгения! Не нервничай. Во-первых, скажи, что она сотворила. – Эд уже не улыбался, он серьезно встревожился.

«Пробралась в мастерскую и изрезала новую картину Дэна. Горланя, как скаженная, на весь дом. Я хотела ее отшлепать, но Дэн не разрешил. Попытался с ней поговорить, а она в истерику. Плачет уже час».

– Отвлеките ее, чем-нибудь. Хотя, признаюсь честно, я не знаю что делать. У нас не лучше. Завтра утром будем у вас. Продержитесь?

«Попробуем».

– Может, позвонишь Виен. – напоследок предложил Эд.

«Увы! Мама заявила, что это мой ребенок».

– Что?! – не сдержал удивления Эдгар.

«Что слышал». – Ев совсем не хотелось растягивать эту тему, тем более что плачь дочери, уже становился не простым завыванием.

– Понятно, что ничего не понятно. Давай до завтра подождем. Думаю, ты найдешь, нечто неожиданное, отвлечь Агнешку. – отключился, смотря на Вел, обдумывал услышанное. – По-моему, праздник непослушания пришел в нашу семью.

– То есть? – Вел всю их беседу пыталась понять, что же такого страшного случил, что сестра позвала ее мужа.

– Ния порезала картину Дэна и ревет, белугой, уже час.

– А что Ев сказала по поводу мамы?

– Не поверишь. Ви заявила, что Агния их ребенок и просила не беспокоить.

– Виен?! – Вел подняла брови и тут только до нее дошло, что мама уже несколько дней им не звонит, что уже два часа, как Славки сдали экзамен, а она не поинтересовалась.

– Именно! Тебе не кажется это странным?

Вел не стала ему отвечать, взяла телефон и позвонила матери:

– Мамочка, привет!

«Привет! – сухо прозвучало в ответ. – Что-то случилось?»

– Да нет, ничего не случилось... А почему спрашиваешь?
«Вы же всегда звоните, с проблемой».

– Мам! Что такое говоришь?

«Вел! Если нечего сказать, то пока. А если и твои дети сходят с ума, тот меня это не волнует».

Вел опустила трубку, минуту приходила в себя:

– Эд! – у нее заблестели слезы – Что происходит?

Жан смотрел на любимую женщину и не узнавал. Уже несколько недель она носилась по магазинам и скупала разную ерунду, вечерами забиралась в постель с кучей сладостей и какого-то напитка, смотрела ТВ почти до утра, затем спала до обеда, и все повторялось изо дня в день. Их большая, городская квартира на пятом этаже шестнадцатиэтажного дома с холлом была настолько запущенной, что приходившая раз в неделю уборщица хваталась за голову, не зная с чего начать, а Виен, всегда так рьяно относившаяся к чистоте и уюту, подгоняла ее, стараясь поскорее выдворить из дому. Жан пытался сам привести квартиру в надлежащий вид, но, стоило Виен вернуться с очередного шопинга, или проснуться после ночного сеанса, как все возвращалось на круги своя: пакеты разбрасывались, ценники просто падали на пол, а грязная посуда оставалась там, где она ела. Да и весь ее облик уже мало напоминал заботливую, любящую Вилен, жену, мать, бабушку. Ни одного звонка детям, и минимум внимания ему. Уже столько дней, никуда вдвоем,

хотя раньше одна и за мороженым не спускалась. Ни одной совместной прогулки, разговоры и те мимоходом.

– Звонили дети? – поинтересовался Жан, видя, что жена не собирается даже сообщить.

– А кто еще? – усмехнулась и отвернулась, уставившись в экран.

– У них что-то случилось? – не унимался он.

– Естественно. Разве они позвонили просто так.

– Виен! Что-то серьезное?

– Понятия не имею. Мне не интересно. Извини, мой сериал.

Жан посмотрел на нее, взял ключи и вышел. Сел в машину и проехав пару кварталов, как новичок, с низкой скоростью, полностью на автомате, размышляя над происходящим, повернул назад, за квартал от дома, решил позвонить сыну:

– Дэн! Привет! Что-то случилось?

«Да не то что бы, случилось. Нийка, капризничает. А что с Ви? Вы поругались?»

– Нет! Почему спрашиваешь?

«Она обидела Ев, но та не признается, как. Я не стал вмешиваться, сам понимаешь, мать».

– Ясно! Выясню. Ты это, если что, звони мне, я приеду. А там, мы к вам собирались завтра.

«Счастливо». – ответил Дэн и Жан услышал, как в трубочку ворвался плачь внучки. Покачал головой и сразу же набрал Эдгара:

– Сын, привет! У вас все в порядке?

«Более, менее. Девочки немного хандрят, но не стоит об этом беспокоиться. А у вас что, очередные проблемы?»

– Я так понимаю, Виен и Вел обидела?

«Не то что... – помялся Эд, но решил быть честным. – Да что говорить – очень!»

– Вы когда возвращаетесь с Юга?

«Завтра! Сегодня Леру встречу и переедим».

– Увидимся. – Жан попросался, не находя слов в оправдание жены, не зная, чем поддержать сына и поехал домой, поставил машину, но спеша вернулся, зная, что Ви все еще сидит у телевизора.

– Виен! Я пришел!

– А ты уходил? – услышал он ее голос из спальни.

– Понятно! – кивнул сам себе. Минуты две стоял в раздумье, потом достал бутылочку ее любимого вина, открыл, взял бокалы, фрукты, пошел в спальню. Поставил на столик поднос, выключил ТВ из розетки.

– Алло! Гараж! – возмутилась она. – Я, кажется, что-то смотрела.

– Что именно?

– Не важно. Включи!

– Нет, ты скажи, что смотрела – я включу. – Жан не придумал ничего лучшего, чем вывести ее из себя, чтобы найти причину ее отречения не только от него, а даже от детей.

– Фильм. – Виен кипела.

– Какой?

– Жан, не парь мне мозги.

– Выпить хочешь?

– Ага! Сначала выпить, потом тебе еще чего-нибудь подавай.

– Виен!

– Я уже шестьдесят лет Виен! Что дальше?

– Ты себя слышишь!?! – она махнула рукой и пошла к телевизору, Жан преградил ей путь: – Посмотришь в зеркало. Уже вечер, а ты еще в пижаме, голова не чесана... Разве это ты? Вилен! Да оглянись вокруг, неужели беспорядок в квартире тебя не волнует? Что вообще происходит?

– Достали! – вырвала у него руку, практически всунулась в брюки, бросила на кровать пижаму, надела первую попавшуюся футболку. На ходу схватила расческу, и не глядя в зеркало, поправила волосы. Прошла мимо Жана, сняв с крючочка его связку ключей, направилась к входной двери.

– Ты куда? – он взял ее за плечи, развернул к себе.

– Требуешь отчета? Щаз! – хлопнула дверью и полетела по ступенькам вниз.

Жан выскочил за ней, на мгновение задержался с замками, да и вызывая охрану.

– Я так и думал! – проронил он, видя как она, открыв гараж, вывела его машину. – И что опять не так? – он очень нервничал, но останавливать ее не стал. Виен игнорируя все «знаки» вырулила на проспект. – Это предел моего понима-

ния! – он пошел вперед, пытаясь хотя бы понять, в какой стороне ее искать, обрадовался, увидев Михаила: – Что так долго?! Виен заметил?

– Трудно было не заметить! – ответил тот. – Кто ее укусил?

– Гони за ней, а не устраивай «Что, где, когда!» – впереди, на предельной скорости мчалась машина Виен, игнорируя перемигивание светофоров и сигналы автомобилистов.

– Теперь я понимаю, почему она не хочет садиться за руль? – тихо произнес Михаил, но Жан услышал:

– Я тоже! Вот елки, красный! – жена пролетела на желтый, а их тормоза завизжали.

Машина стояла у ночного клуба, перегордив подъезд и выезд. Жан припарковал ее авто в удобное место и вернулся к Михаилу.

– Пойдешь? – спросил тот, собираясь предложить свои услуги и вытащить ее, если понадобится, силой.

– Подожду немного. Не останется же она там, среди толпы молодежи! Нет, нет! – уговаривал Жан сам себя. – Она терпеть не может такие места, где дым коромыслом! – но уже через полчаса, молча, вылез из машины и вошел в клуб.

Виен сидела у барной стойки и пила что-то синее. К ней клеился парень, она постукивала пальчиками по поверхности стойки, затем повернулась к нему и послала. Жан это понял по выражению лица.

– Этот, ушел, но не все же с пониманием! – бурчал Жан,

пробираясь, сквозь толпу, стараясь не терять ее из вида. Присел с краю, в тени.

– Что закажите? – спросил сразу подошедший бармен.

– Воды без газа. – Жан достал сотку. – Сколько выпила, вон та женщина?

– Пятый! – просто ответил бармен.

– Не слабо! Как думаешь, еще закажет?

– Мне, конечно, все равно, но вы кто ей?

– Муж!

– Тогда понятно. Думаю да. Обычно девчонки после третьего, максимум, вырубаются, а она соображает.

– И что пьет?

– По списку. – парень положил карту бара.

– Сюрпризы! – чесал подбородок Жан.

– Она у нас впервые. – снова наклонился к нему парень.

– Да она вообще, впервые, отрывается. Ну, да ладно. Могу попросить? – официант кивнул. – Если закажет еще, сделай двойной, чтобы быстрее, насладилась.

– Уверены? – парень глянул на Жана внимательно, не похож он был на тех типов, что ищут легкую добычу, скорее всего и правда, муж. Жан понял его и открыл паспорт. Парень качнул головой. – Ее же вырубит, и, по-взрослому.

– А если по схеме «догоняться» будет, то как? – спросил Жан.

– И то правда, она не успокоится, я это понял со второго заказа, пока не дойдет до кондиции...

– Держи! – Жан положил еще сотку. – Этого хватит, за выпитое?

– Вполне! Она красивая и не похожа на остальных, избалованных. Если вы и правда муж, то не пускайте сюда, тут охотников хватает.

– Муж! Просто поссорились, вот – решила так меня наказать. – Жан насторожился, к Ви подошел еще один, предложил выпить и она, на удивление, согласилась.

Бармен глянул на Жана, затем на Виен и прежде чем выполнить заказ, что-то сказал молодому человеку, тот моментально ретировался.

– Эй! Ты куда?! – повернулась за ним Виен. – А как же выпить? – тот не оглянулся, возможно, не услышал, за орущей музыкой. – Подумаешь!.. Дорогой! – обратилась она к бармену. – А ты действительно, дорогой! И что у нас следующее?

– Может не стоит мешать?

– А ты еще не намешал? Мне казалось в каждом стаканчике намешано, достаточно. Дорогой! Ничего если я тебя так буду называть? Я не пью, а дегустирую! Хочу знать, что сейчас предпочитает молодежь. Вот тебе какой больше нравится?

– Я не пью коктейли! А хотите, я сделаю специально для вас? Пропустим весь этот список.

– Для меня? – Виен была пьяна, движения стали угловаты, но все еще прекрасно соображала.

– Для Вас! И назову вашим именем.

– А давай! – Виен начинала кривиться, почувствовала головокружение, но скорее от дыма, стоявшего над головой.

– Так как Ваше имя?

– Вилен. – крикнула и протянула руку. Не дожидаясь рукопожатия, махнула: – Нет, я сейчас Виен! Но, все зовут – Ви. Как собачку. Скажи, я собачка? Вот! И даже не большая собака, ну в смысле сука! Я давно пытаюсь быть нужной, но не видимой. Поддай, принеси, посоветуй – в лучшем случае. – она усмехнулась. – Я долго была как указатель, даже нет, железнодорожной стрелкой. Ты понимаешь? Это, типа, когда все что-то хотят, но не знают направления, а ты, молча, ненавязчиво, разводишь их в нужные направления. Всем хорошо! Достигли желаемого, мне же – спасибо. Ну, так, для приличия, типа ты же тоже, как-то, стояла рядом. А мы, видишь какие мы, супер-пупер! Все сами! Ну, это раньше, когда я была Виен. А сейчас я Ви! Этакая болонка – игрушка. Хотя я привыкла. – она кивала и говорила, смотря куда-то в сторону. Даже не интересуясь, слушает он ее или нет. После последних слов наклонилась и, прикрывая рот рукой, спросила: – А у тебя есть сигареты?

– Есть. Какие?

– Ну, не знаю. Женские, пожалуй. Да! Лучше начать с женских. Длинные такие.

– Вот! – положил он три пачки на стол. – Это с ментолом, это с ванилью, а это с корицей.

– А разница? Сейчас, выберем! – она достала одну, затащила. Жан схватился за голову. Бармен глянул на него и тот махнул рукой – пусть! Сделав еще пару затяжек, скривилась, затушила. – Нет, не нравится. Давай другую.

– Вы не поймете, здесь сильно накурено.

– Я пойму! – затащила еще пару раз и потянула за третьей. – Такая гадость! И одинаковая. Так, где мой коктейль? – не выпуская из руки последнюю сигаретку, потребовала выпивку.

Бармен подошел к Жану:

– Она что, не курит?

– Нет! Виен не курит и практически не пьет. Более того, у нее аллергия на дым.

– Не завидую!

– Пусть прочувствует. Иногда это полезно!

– Простите! – поднял бармен руки, показывая, что больше не вмешивается.

А Виен пила, чередуя напиток с сигареткой. Опять к ней подкатил парень, но на этот раз совсем молодой и бармен, (сам не понимая, зачем он это делал), направился к ним, но не успел, парнишка уже тянул ее в круг танцпола. Виен поддалась, не выпуская стакана из руки. Жан пошел за ними. Рука парня легла на ее талию, но Виен оттолкнула его, достаточно сильно. Глаза ухажера блеснули, он собрался ее приструнить, но взвыл от боли. Жан более четко ему объяснил. А у Виен уже все плыло перед глазами:

– На воздух! – бросила она вслух и пошла к выходу. У самой двери вспомнила о бармене, вернулась, держа руку на горле: – Сколько я должна?

– Вы рассчитались.

– Правда? – ей на время стало легче, и она постояла, глядя на него. – Не помню. А где мои сигареты?

– Вот! – сунул он вперед три начатые пачки.

– Спасибо! Я, пожалуй, подышу и вернусь.

– Заходите. А коктейль понравился?

– Какой?

– Последний.

– Скорее да! Кружит голову. Кстати, ты ключи от моей, типа мужа, машины не видел?

– Нет! Вы без сумочки.

– Ах, вот они! В карманчике. Вот молодец я, не потеряла. Мужу бы не понравилось.

– Может лучше такси?

– Еще чего. Я езжу быстрее и прямо. Последний, все-таки, был лучшим. Запомни, я еще заскачу, а на сегодня хватит. Мэру я всегда знала.

– Так могу я назвать его «Вилена»?

– Лучше «Ви»! Короче, но точнее. Пока! – она направилась к выходу, на удивление парня, ровненько.

– Сколько я должен? – Тут же возник Жан, не отпуская ее взглядом.

– Уплачено!

– Спасибо! – Жан пробирался за ней, ускоряя шаг и расталкивая парочки, вслед летели не лестные слова и угрозы.

– Фу! – выйдя на свежий воздух, глубоко вздохнула и выдохнула Ви. – Я как пепельница. – нажала сигнализацию, пошла к машине. Мимо на скорости пронеслась тачка, сигнала. – Да вижу я! – крикнула Виен, перекрутившись на месте. Михаил уже открыл дверь, собрался выскочить, но увидел Жана, тот возник у нее за спиной и подхватил жену, потерявшую сознание.

– Теперь я знаю, как тебя утихомирить. Надо было бы спросить рецепт коктейля, но пока обойдемся. – Он удобно усадил ее на переднем сидении, пристегнул и махнул Михаилу.

– Что вдруг с ней? – поинтересовался друг, притормозив рядом.

– Наверстывала молодость.

– Заметно! – бросил тот и поехал вперед.

Дома были к часу. Уложил, сняв лишь обувь и брюки. Открыл настежь окно, но подумал немного и оставил только форточку. Глянул на часы.

– Да, Дэну звонить поздно. – заглянул в холодильник, опохмельного ничего не обнаружил. – Прости дорогая, но одну не оставляю. Теперь боюсь. Не знаю, что ты еще можешь выкинуть. – собрался лечь, но спать не хотелось, совершенно. – Вот бесенок! Но стоит подумать, что опять повисло над семьей. У старших капризничают дети. Хотя это нормально,

все капризничают. А вот ты слетела с катушек неспроста, я это чувствую!

*A little bit! And you, like, you say?! (итал.) – Немного!
А вы, как, вы говорите?!

Глава 4

Пока Эдгар говорил с отцом, Вел сидела задумавшись. Потом встала и пошла в детскую. Девочки не среагировали, как бывало раньше, на ее приход. Постояла минуту, глядя на их спины.

«Что это с детьми?» – подумала она, закрывая дверь, оставляя их одних.

– Видела! – Вел услышала голос Влады, видно та говорила нарочно громко. – Проверила, волнуется.

– Еще бы. Мы такое учудили. – чуть тише ответила Мира, а Вел не смогла отойти, стояла и подслушивала, пытаюсь разобраться в их непослушании.

– Это только начало! И вообще, Мира, хватит быть нюнями. Давай что-то делать, серьезное.

– Что? – коротко спросила сестра.

– Ты как маленькая!

– Я и есть маленькая. Я ничего не умею.

– Ты просто не выносима! – вспылила Влада – Сколько можно ныть? Мамина дочка!

– Да, я мамина и папина тоже. Я не буду больше тебя слушать.

– Ты просто боишься, я поняла, ты боишься! – и Влада разошлась: – Трусиха, трусиха...

Мира долго молчала, сдерживая слезы. Влада прыгала

и кричала: «Трусиха»!

– Не хочу больше тебя слушать! – Мира закрыла ушки ладошками. Но это не помогло, сестра носилась вокруг нее, продолжая громко дразниться, находя все больше обидных слов. – Сиди здесь сама и вообще – живи сама! – тихо, но достаточно уверенно заявила Мирослава и направилась в другую комнату. Вел, не зная, кто куда разбежится, спряталась за портьеру, чтобы ее не заметили дочери, решив дожидаться развязки их ссоры.

– Ну и уходи! Трусиха! – бросила в след Владислава.

Мира взяла свою любимую игрушку и книгу – забаву, пошла в комнату Агнии. Положила их на стол, взобралась на окно, усердно растирая глаза.

В комнате Влады поднялся небывалый шум. Вел заглянула – Влада футболила мячом по игрушкам, закусив губу, видно строя новые планы. Вел задумалась, буквально на минуту и подавив желание отругать одну дочь и пожалеть другую, пошла к мужу:

– Девочки поругались. – сообщила дрожащим голосом.

– Правда? Что-то новенькое. – Эд мгновенно отложил бумаги, над которыми работал. – Обычно они друг за друга. Хотя с другой стороны, дети всегда ссорятся.

– Да, я знаю, но Влада очень жестоко поступила. Мира ушла в комнату Агнии.

– Может их на какое-то время разъединить? – задумался Эд. – Они всегда вместе, не успевают соскучиться... Пойду,

поговорю с ними.

– Нет! – остановила его Вел. – Я сама.

– Вел, ты уверена, что найдешь нужные слова? Прости, не в упрек говорю, просто ты еще утром еле сдерживалась, чтобы не отлупить.

– Еще бы. Они же вели себя.... Эд, я мать, и тот всплеск негодования уже пережила. Но вот сказать им парочку лестных слов, я должна!

– Убери гнев. – попросил Эд. – Твои глаза просто бросают молнии. И еще, нам скоро ехать забирать Леру, их привезут в порт.

– Я и забыла. – Вел и правд забыла, что старшая дочь возвращается из пансионата, где провела почти все лето. – Я быстро, а потом решим, сам ты поедешь, вместе, или кого пошлем. – Эд кивнул и она, почти бегом, направилась к детям. Еще издали услышала голоса их няни, Катерины и Владиславы. Няня сдержанно, но достаточно громко, требовала:

– Влада! Наводи порядок.

– Сама наводи, ты няня.

– Да, я няня. Но сделала беспорядок не я, а ты!

– И что?

Вел открыла дверь и вошла – в игровой был полный кавардак.

– Что здесь творится? – Влада повернулась на ее голос, стала, расставив ноги и поставив руки в бока, но молчала. – Где Мира? И потрудись отвечать, когда старшие спрашива-

ют!

– Она в комнате Агнии. – ответила Катя, вместо дочери.

– Ясно. – кивнула Вел и подошла ближе. – Кто это сделал?

– Ну, я. – ответила дочь, даже не пряча глаза.

– Объяснишь, зачем?

– Играла.

– Это нельзя назвать игрой. – девочка даже не отвернулась. – Наводи порядок! – приказала Вел.

– Почему я?! – кричала в ответ дочь. – Мне это не надо.

– Правда? – у Вел появилась идея. – Хорошо! Катерина, пожалуйста, принеси ящики, собери и мы отвезем все игрушки тому, кому они нужны. А тебя, девочка, мы с отцом ждем у себя, через пять минут. И не опаздывай. Иначе ты узнаешь, что и родители бывают другие, что и у взрослых заканчивается терпение.

Мира все так же сидела на окне, правда уже не плача, а рисуя пальчиком по стеклу.

– Мира! – позвала Вел, легко сменив гнев на жалость, правда сдержанную. – Что ты тут делаешь?

– Думаю. – Мира повернулась, присела, опустив ноги и расправив платье, во всем облике чувствовалось раздражение и напряженность.

– Вы поругались?

– Нет, просто захотелось побыть одной. – моргала часто, но не спешила жаловаться.

– Ясно! – Вел улыбнулась, но не подошла, не обняла ее. –

Мы с папой хотим серьезно поговорить с вами, ждем тебя у нас. – Мира прыгнула и обняла Вел за ноги:

– Прости, мамочка, я больше не буду.

– Не будешь, что? – Вел вдруг вспомнила, что мама, в детстве, их с сестрой, не столько наказывала, сколько пыталась заставить понять свой проступок. Мира подняла голову, отойдя на шаг, ответила:

– Не буду злой.

– Спасибо, что поняла. – Вел погладила ее по голове и, как не тянуло обнять, расцеловать, пожалеть – сдержалась. Они равны, и любить их она будет одинаково и наказывать тоже. – Жду через пять минут.

Эд говорил по телефону, лицо было задумчиво, но с небольшим сарказмом.

– Кто? – естественно поинтересовалась Вел, увидев его.

– Минуту! – сказал он жене, и продолжил: – Нет! Я сказал нет. Все. – качнул головой и отключился. – Лера, просится остаться у подружки, но я отказал! Рановато ей, да и подруги намного старше, не будет из этого толка.

– Не оправдывайся, сделал и сделал. Я согласна, мы не знаем ее друзей. Сейчас подойдут девочки, поговорим и вместе отправимся за ней сами. Пусть погуляет, а на ночь не оставим. Хотя, с другой стороны, мы, по отношению к ней, становимся консерваторами.

В комнату тихонько постучали, Эд, не успев ни возразить, ни понять последних слов жены, открыл, Мира вошла,

а из детской, хотя комната и была достаточно далеко, он услышал:

«Катя! Я прошу всего пять минут, пожалуйста!»

«Это расположение Вел» – противоречила дочери няня.

«Знаю! Поэтому прошу, пять минут». – голос Влады был повышен, но раздражительность и капризность уже пропали, и это Эда обрадовало. Он оставил открытой дверь и ждал.

– Можно? – практически сразу услышали Владиславу.

– Нужно! – Эд впервые был с ними настолько строг, что даже у Вел поднялись брови от удивления: – Присаживайтесь. – подождав пока девочки усядутся на диван, продолжил: – Влада, Мира! Мы с мамой расстроены вашим поведением. Прошу пояснить, сегодняшние выбрыки.

– Переходной возраст. – Влада осмелилась свернуть все в шутку. Эд усмехнулся:

– Рад, что вы можете общаться, как взрослые. В таком случае и поведение должно быть соответствующее, а пока я вижу разбалованных, грубых, капризных девочек, не понимающих, что творят. Поэтому считаю – это не объясняет ваших поступков.

– Простите нас, мы не будем больше злыми. – поднялась Мираслава.

– Отвечай за себя! – одернула ее Владислава.

– Хорошо! – глянула на нее Мира – Я, не буду больше, никогда, жестокой и неуважительной!

– А что скажешь ты, Владислава? – строго спросил Эд.

– Я постараюсь... – девочка выпрямила спинку. – И не смотрите так! Хотите, я скажу, что не буду, а вдруг не сдержусь. Потом еще и за обман отвечать....

– Спасибо за честность. – Вел смотрела на Владу, изучая ее, новую. Нет, дочь не испортилась в миг, они не были избалованными, просто нечто новое появилось во всем ее облике и с этим надо разбираться не за минуты, а основательно, ища причину. – Хочешь еще что-то сказать?

– Да! – Влада так же, не моргая, изучала мать. – Можно мне самой разобраться с игрушками.

– Можно. – Вел расслабилась, кажется они поняли, но радоваться рановато. – И еще. Мы обдумали ваше поведение и решили.... – Вел нарочно сделала паузу: – Первое – мы не будем больше вас так опекать и поощрять ни за что. Второе – наказывать будем двоих, не выясняя, кто именно виноват.

Третье – ссоры между вами – исключаются. Категорически! И если вам вместе тесно, то вы разъедитесь по разным комнатам. Это пока все. Но если еще раз повторится подобное, я буду говорить с вами иначе. А пока, как и сказал утром отец, наш завтрашний отъезд под вопросом и Диснейленд тоже. Хотите что-то сказать нам или друг – другу?

– А если мы думаем по-разному или мнения у нас не сходятся? – Влада нервничала, Эд видел, очень жалел ее, но приходилось держаться:

– Это вполне нормально. Все мы разные и взгляды у нас

разнообразные. Их просто надо учиться обосновывать. Без обид.

– Обо... что? – дуэтом спросили девочки.

– Излагать доступными словами. Так понятно? – Влада кивнула, хотя Эд видел сомнение. Мира же любила задавать разные вопросы, с уймой замудренных слов, поэтому не растерялась и сейчас. Однако, посмотрев на нее повнимательней, догадался – ее сейчас интересует совсем другое. Не отвел взгляда, давая толчок к откровенному разговору.

– Можно я побуду в комнате Нии, пока ее нет? – спросила Мира, никак не прокомментировав ни разговор, не свое желание.

– Если тебе так необходимо, то да. – Эд хотел уже закончить этот воспитательный момент, обняв девочек, у него рывалось сердце, но вид жены был не преклонен. – Можете идти к себе.

– Я буду стараться. – повторила Владислава, не двигаясь с места.

– Если есть желание, можете меня поцеловать, в знак примирения. – Вел присела в кресло и Мира подбежала к ней, Влада была более сдержана, но подошла. Поцеловав детей, повернулась к Эду:

– Папа! Ты нас простишь? – спросила она за девочек.

– На этот раз – да! – подойдя к ним, всех расцеловав, добавил: – Нам с мамой надо съездить за Лерой, вы будите умницами?

– Будим! – радостно воскликнула Мира.

– Бегите к себе. – родители выждали полминуты и выглянули, девочки не спеша шли по коридору.

– Ты мне поможешь? – Влада взяла за руку Миру, та не отстранилась, но замотала головой:

– Нет! Я хочу побыть одна.

– Ты на меня еще злишься?

– Нет! Просто так решила.

Владислава притянула ее к себе и поцеловала:

– Не обижайся. Пожалуйста. Не хочешь помогать, просто посиди со мной.

– Я же мамина дочка.

– Мир, я была неправа. Ну, хватит дуться, давай мириться.

– Я подумаю. – Мира поцеловала Владу в ответ, но не пошла ей помогать, открыла другую дверь и зашла в комнату для занятий.

– Тогда я справлюсь и приду к тебе в гости. – сообщила Влада и попрыгала в их спальню.

– Воспитывает характер. – обрадовался Эд.

– Правильно делает. – ответила Вел. – Один раз выдержит, никто не запряжет.

– Собираемся, – обняв жену за плечи, Эд поспешил увести, – хочу быстрее поехать за Лерой, глянуть на ее компанию и вернуться.

Въехав во двор высотки, где жила подруга Леры из класса, с какой они вместе ездили отдыхать, Эд искал место припарковаться, а Вел, нечаянно, заметила группу молодежи. На земле, вокруг них, валялась гора пустых бутылок и банок из-под разных напитков. Одна из парочек сидела чуть поодаль и страстно целовалась. В надвигающемся сумраке Вел не сразу разглядела Леру. Но вот парень отпустил девчонку и протянул ей сигаретку. Лера, не беря ее в руки, опустила лицо к его руке.

– Вот гадость такая! – сказала Вел и будучи на взводе за день, силой своего дара, выбила сигарету из рук парня. Тот ничего не понял, выругался нецензурно, сбросил с колен Леру, так, что та чуть не упала.

– Вел! – рука мужа легла ей на плечо: – Я сам, держи себя в руках и не разнеси тут все. Мы поговорим с ней дома, серьезно и безжалостно. – Эд открыл дверь, быстрым шагом подошел к группке. – В машину! – резко сказал он девушке. Сам же задержался, рассматривая лица. Парни были намного старше девочек, да и не видел он их, когда отвозил дочь на отдых. Значит это местные. Лера взяла со скамьи свой рюкзак, бросила всем:

– Пока! – и пошла к машине, виляя бедрами.

Эд сел, защелкнул автоматически все двери и завел мотор. Проехали достаточно долго, прежде чем Лера решилась высказаться:

– Что это было? – голос ее был резким, на грани крика.

Взрослые молчали. – Я с вами разговариваю! Что вы себе позволяете, вы хоть понимаете, что опозорили меня перед друзьями? Я же предупредила, что остаюсь. Я же....

– Ты сама себя опозорила. – ответила Вел. – Ведешь себя, как.... простушка.... – не смогла подобрать другого, менее обидного слова.

– А чего ты взбеленилась? Я веду себя как вся молодежь.

– Как ты разговариваешь с матерью! – не сдержался и повысил голос Эд.

– А она мне не мать. Вы вообще мне не родители. Я детдомовская.

Эд резко затормозил и повернулся.

– Повтори.

– Вы мне не родители! – Лера отвернулась к окну.

– Понятно! – Эд рванул с места, и давил педаль газа, словно та была виной. Машина гудела, а ветер вырывал приоткрытые стекла. Вел положила руку на его плечо, слегка жала, затем постучала по спидометру. Остаток дороги провели молча.

– Иди к себе! – твердо сказал Эд, остановившись у главного входа, – я сейчас приду.

– Подумаешь! – хмыкнула девушка, хлопнула дверью и взбежала по ступенькам. Вел медленно пошла за ней.

Эд завел машину в гараж, шел домой через служебный блок. Из комнаты вышел Игорь:

– Проблемы с Лерой? – спросил парень, остановив Эдга-

ра.

– Да! Откуда знаешь?

– Чувствую. Она вторую неделю, как не своя. Можно я с ней поговорю.

– Пока нет. Прости, Игорь, мне сейчас не до разговоров. Она серьезно оскорбила Вел и я не могу это так оставить.

Глава 5

Лера вошла в свою комнату, бросила в угол рюкзак и, не снимая обуви, улеглась на диван.

Вел зашла за ней практически сразу, лицо почернело, глаза были опущены в негодовании, но она молчала, облокотившись о дверной косяк, стояла и ждала мужа.

– Ну, давай, читай морали. Все взрослые только и могут, что отчитывать. – с презрением бросила девушка. Вел отмолчалась и на это, зашел Эд:

– Встань и сядь нормально. – приказал он.

– Да, пожалуйста! – девчонка достала жвачку и отправила в рот. Жевала вызывающе, надувая ее, лопамя и облизывая губы.

– Мы, ни одного дня не пытались заменить тебе родителей, но делали все, чтобы стать семьей.

Лера снова надула шар и лопнула его. Эд не остановил, не сделал замечание, хотя такое поведение очень раздражало его, в данный момент он лишь хотел достучаться, чтобы нормально поговорить: – Ты слышишь меня?

– Слышу и что?

– Тогда ответь, чем мы тебя обидели? Может, унизили или ограничивали в чем-то твою жизнь и свободу?

Лера достала жвачку и растянула ее, Вел не могла на это больше смотреть, вырвала резинку из рук девочки, даже

не пошевелив мускулом, одним взглядом, не стараясь напугать, просто не контролировала уже свой гнев. Та испугалась, насторожилась, сразу выпрямилась, Лера ни разу не видела Вел такой злой и решительной, и даже не подозревала, что кто-то в семье владеет телекинезом.

– Вижу, не хочешь простого разговора. – заявил Эдгар. – Ты под домашним арестом. Либо поймешь свою неправоту, либо мы будем искать другие методы. – закончил, так и не добившись ее внимания.

– Испугал. Скажи еще, что приставишь ко мне своего волкодава, а может, сдашь меня в интернат?

Вел неожиданно резко развернулась, вышла, не удостоив ее ответом, Эд просто офигел от такого поведения дочери, но, будучи корректным человеком, не мог просто взять и наорать, не говоря уже о большем, тем более что, как не крути, а она удочеренная, значит ответственности вдвойне. Лера засмеялась, думая, что это конец морали, решила добить: – Это все на что вы способны! Наигрались? Я и так знаю, что вам давно не интересна!

– Лера! Как ты можешь такое говорить? – еще больше опешил Эдгар.

– А что я сказала не так? – Эд не успел ответить, вернулась жена с двумя чемоданами:

– Значит так, девочка. Хочешь свободы – пожалуйста! Собирай вещи! Бери все, что сочтешь нужным. Хочешь жить как детдомовские – твоя воля! Еще целый год ты можешь

испытывать на себе прелести их жизни. Решила стать как все – твое право! Панель тебя ждет. Не перебивай меня Эд, – увидев его жесты, отрезала сразу, – пусть идет. Я переболею, но уговаривать, читать морали не буду! Что она знает о трудности жизни? Получала все на блюдечке, не задумываясь, что, откуда берется, пользовалась, не стесняясь в средствах и требованиях. А теперь вспомнила свои корни! Детдомовская говоришь?! Так собирайся, прямо сейчас!

– Вел! – все же перебил ее Эд, – ночь на улице. Пусть переночует.

– Зачем?! Она просилась провести эту ночь на скамье и слушать маты за уроненный косяк, так пусть возвращается. Ей хочется самостоятельности, быть серой никчемой, не выделяющейся из стаи – дверь открыта! Пусть окунется в нее, ту самую жизнь без правил, с первой минуты! Дать ей ночь... Зачем? Она же царица этой жизни, в которой мы с тобой ничего не смыслим. Уходи! Но, запомни – назад дороги нет!

– Я знала, что ты меня не любишь, с первого дня. – Лера начала искать лазейку, испугавшись, но еще барахтаясь.

– Знала она... Да что ты знала, что ты такое мне говоришь? Факты, дорогая, предъяви мне факты. Ты трудилась не покладая рук, падала от усталости, прислуживая нам? Училась в отстойном интернате? Носила мои обноски и все года проводила в чулане? – в дверь заглянули Славочки и Вел резко повернулась к ним: – Что за любопытство?!

На часы смотрели?

– Мы хотели...

– Спать!

– Мама! – голосок Миры испуганно дрогнул, но она настойчиво пыталась договорить: – мы хотели...

– Я зайду к вам, – сказала более спокойно, уняв гнев во взгляде. – Как только Лера уйдет.

– Можно мы с ней попросимся? – всхлипнула Влада и сделала шаг вперед, сутулясь и пряча голову в плечики.

– Можно даже составить ей компанию, если и вам родители кажутся зверьем. – Вел говорила это тихо, но специально, чтобы Лера поняла, она так поступит с любым. – Две минуты. – и отошла к окну, отвернувшись ко всем спиной.

– Вел! Это жестоко. – прошептал Эд. – Славочки-то, каким боком провинились в этом?

– Не мешай, пожалуйста. Пожалеть я всегда успею.

– А если она уйдет? – они стояли спиной к детям, давая им возможность поговорить.

– Далеко и надолго? Она умный человек, только заелась. И потом, Эд, она нас не пожалеет, поверь, – глянула на него полными слез глазами, боль накрыла ее. Не гнев, не обида, а боль. Но она держала себя из последних сил. Надев маску безразличия, повернулась к детям.

– Лера! Сестричка! – говорили девочки, – мы так виноваты, прости нас, мы тебя любим. Не уходи... – слезки ручейками бежали у них из глаз, губки дрожали, подпрыгивали

подбородочки. Вцепившись в нее ручонками и подняв головы, шмгали носиками и слюнявили ее плечи.

– Время закончилось! Лере еще надо найти, где ночевать. Так что пожалейте ее. – сказала Вел, более спокойно, – идите к себе, я скоро зайду.

– Мама! Папа! – не отходя от Леры, повернули к ним зареванные мордашки Славки, ощутив силу родителей и то, каким бывает наказание. – Пожалуйста! Не надо.

– Не надо что? – уточнил Эд, видя что Вел уже не в силах сдерживать слезы.

– Отпускать Леру! – ревели обе.

– Это ее желание, а она взрослый человек, требующий самостоятельности! – пояснила Вел, стараясь не смотреть на Велерию.

– Мама! – взвыли девочки.

– Я отведу их. – Эд пошел к дочерям, как было не больно, но проигнорировав Леру, стер слезы с испуганных лиц, обнял и повел к выходу: – Поговорите без меня.

Лера стояла посреди комнаты, опустив голову, и не знала, как лучше поступить. Конечно, она могла позвонить подружке и за ней приедут, но... , чем закончится эта ночь, где она заночует? Куда денется завтра? ... Вопросы нарастали и ни одного конкретного ответа, она не могла дать сама себе. Вел молча смотрела на нее.

– Тебе нужна помощь собраться, я пришлю кого-нибудь из обслуги. Но, если подумать, то лучше самой. Там, на воле,

никто на помощь... Ладно, умолкаю, ты грамотная! – опять пауза, долгая. Лера не шевелилась, Вел сделала шаг к двери: – Думаю, прощаться у тебя не возникнет желания, с чужими для тебя людьми. И еще. – Вел достала из кармана ее первый рисунок, тот самый, что увидела выйдя из литургического сна, много лет назад, тот самый, с которого у них с этой рыжей девчонкой, их Солнышком, началось знакомство. Вел берегла его все годы в заветном местечке, куда складывала все, что ей дарили дети. – Это тоже твое... – протянула сложенный листочек. – Я хранила, как самое ценное, что у меня есть, как..., но теперь можешь забрать. – Лера вздрогнула, но не взяла. Положив листик на стол, Вел направилась к двери.

– Можно я переночую, – попросила девочка, – отвезете меня завтра, куда захотите.

– Ночуй. – пожала плечами Вел, не оглядываясь, но легкая улыбка коснулась ее губ. – Скажешь Эду, когда будешь готова. Куда? Выберешь сама, времени до утра много. Деньги на первое время он тебе даст. В двадцать получишь все счета. Если выживешь.... Прости.... Но, мне больно с тобой говорить. Поэтому прощаться не буду. – она закрыла дверь и зашла к дочкам.

Эд сидел в кресле, малышки в кроватях, личики напуганы, плечики вздрагивали, но стояла полная тишина, как отец, так и Славочки прислушивались к тому, что происходило в соседних комнатах.

– Почему не спите? – голос Вел осип, от волнения и переживаний, уж неожиданно все случилось.

– Мы не пожелали тебе спокойной ночи. – ответила Влада.

Вел улыбнулась, поцеловала их и поправила одеяльца. Стараясь казаться спокойной, расправила и подушечки, однако глаза оставались печальными, не злыми, не недовольными, а именно полными боли, дочки это сразу заметили.

– Спать! Завтра будет хороший день. – пообещала Вел.

– Мамочка, а Лера завтра уедет? – Мира не сдержалась, схватила мать за руку.

– Не знаю. – честно ответила Вел. – Это Лера решает. Мы с папой не имеем права ее держать.

– Мы ни когда не будем плохими. Не надо нас в интернат, пожалуйста. – девчонки многого не понимали, в данный момент у них был только страх.

– Я подумаю. – пообещала Вел, даже не пытаясь пояснить, сейчас это было бесполезно. – Славки, запомните одну вещь – никто человека не обидит, если он этого не хочет сам. У вас есть свое Я, так учитесь себя уважать, любить себя. Если вы не будете этого делать, моей любви не хватит. И даже папиной. А сейчас спать! Ваши хорошие, сказочные сны – разбегутся.

– Спокойной ночи мамочка и папочка!

– Спокойной! – Вел оставила приоткрытой дверь и стояла в коридоре, ожидая событий, которые не могли не быть.

– Вел! – Эд взял ее за руку. – Что ты ждешь?

– Действий Валерии.

– Думаешь, уйдет по-тихому?

– Нет! Славки сейчас побегут к ней.

– С чего взяла?

– Я бы так сделала. – и, в подтверждение ее слов, Эд услышал шлепанье босых ножек.

– Что будем делать?

– Спать! Нервы никуда не годятся, надо их расслабить. А за Леру не волнуйся, они пробудут у нее всю ночь. Да и не уйдет она никуда.

Эд все-таки снял туфли, не стал входить в детскую, а прошелся по коридору, прислушиваясь: Лера плакала, нянька так и не вышла к ней, хотя из ее спальни все комнаты девчонок были как на ладони, не говоря о слышимости. Когда из части апартаментов Жана передельвали детскую, специально делали их проходными, все комнаты, для удобства передвижения. Так же в любую из комнат можно попасть и с холла, что он и сделал. Подойдя к комнате старшей, открыл дверь. Девочки, забравшись к ней под одеяло, гладили по голове, говоря всякие «добрости».

– Все, – наконец-то произнесла Лера, – укладывайтесь, я умоюсь, переоденусь и лягу к вам.

– Честное слово? – спросила Влада. – Не уедешь?

– Не уеду. – твердо пообещала девушка. Быстро выбежала из комнаты, а девчушки, облегченно вздохнув, забрались

в постель, обнявшись, прижались к стеночке и, широко открыв глаза, будто боясь ее пропустить, смотрели на дверь ванной комнаты.

– Вел! Я считаю, ты была чересчур жестока. – с порога начал Эд. – Девочка запуталась. А Славки... Ты с ними говорила, как со взрослыми и виновными во всех грехах!

– Эд! Во-первых – они взрослые. Они умней своих сверстников. Во-вторых – лучше один раз выяснить отношения, чем всю жизнь потом жалеть, уговаривать, наказывать. А что касается Леры – травка к хорошему не приведет.

– Травка?! – удивился Эд. – Вот только этого не надо. Она не могла...

– Эд! Ты как ребенок. Запах. Реакция парня на упавшую сигарету. Думаю, она попробовала впервые, иначе бы мы заметили раньше, да и сама бы не так отнеслась к упавшему косяку.

– Косяк?! Только попробовала?! Ты, как специалист говоришь.

– Не в банке выросла, многое видела. Но дело не в этом. Просто волдырь надо удалять сразу, начнется гангрена – оттяпают все! Или ты хочешь, как в сериалах. Умолять, ползать на коленях? Толк будет? И потом... Только не обижайся... Она ведь нам, по сути, чужая. Мы ничего о ней не знаем. Кто родители, какие в нее гены. Мы любим ее как родную! Но это мы. А она, она так же любит нас? – Эд открыл рот, для воз-

ражения, но Вел не дала вставить даже слова. – Сегодняшняя ночь покажет. Если останется, примет наши условия, значит любит! А иначе..., я не хочу страдать и смотреть на ее кондибобир. Поверь, если втянется, нащупает в нас слабинку, будет таскать все из дома. Мы и не заметим сразу пропажу одной – двух вещей. Это сначала. Затем придется вытаскивать ее из болота, в которое она же себя и загонит. Будет сложно. Лучше сразу все расставить по местам. Эд, ну сам подумай, пока не случилось худшего, один раз будем плохими, зато всю жизнь лучшими!

– Уйдет...

– Нет! Уже бы умчалась, сразу, пока была в пылу. Да не такая уж она глупая – уйти в нищету, ей все-таки пятнадцать, соображает. Сейчас материальное перевесит, над обидой. Дом, шмотки, вкусная еда, собственный шофер. Кто же от всего откажется? Жестоко, говоришь я с ней, согласна, но пресечь надо было. Ты и сам поймешь. – Вел сжала виски: – Голова разболелась.

– А мне ее жалко. – подал воды, пошел расстилать постель.

– Мне тоже, но поддаваться не буду! Жалко! Я себя так чувствую, будто это меня выругали, ни за что! А знаешь что, предупреди, на всякий случай Игоря. Пусть последит.

– Понял. Но, тогда уж лучше схожу. Не по телефону же!

– Сходи, сходи! Пускай присмотрит за будущей женой! – с последней фразой у Вел даже улыбка появилась.

– Вел! – оглянулся Эд, она подняла руки, в знак молчания,

и занялась собой.

Уснуть долго не мог, слышал что и Вел делает вид будто спит, но говорить не хотелось. Он был с ней не согласен, но подрывать авторитет не стал. Осознал, что до сих пор обязанность перед Лерой берет верх. Прокручивал ситуацию вновь и вновь, и наконец, пришел к выводу – жена права. Обрезала раз и навсегда, теперь зависит от того, как они их воспитывали, что заложили. Проснулись очень рано. Вел не спешила покинуть кровать, осознавая, что дети долго не спали, давала им возможность выспаться, прийти в себя, сделать первый шаг к примирению.

– Я спущусь, узнаю у Игоря, как дела. – извиняясь произнес Эдгар.

– Только, пожалуйста, не заходи к девочкам, путь поспят.

– Думаешь, еще не проснулись?

– Эд, пусть сделают первый шаг на встречу к нам, пусть проявят уважение. Там разберемся. – Эд кивнул. – Я не жестокая. Просто хочу, чтобы они поняли всего одну вещь – безнаказанно ничего не будет. И еще, не хочу чувствовать себя неловко. Краснеть за их невоспитанность.

– Понимаю, – он сел рядом, – дорогая, я боюсь их потерять.

– Я тоже. Но вчерашний день может быть только началом. Эд! Давай он будет отрезком, который все вместе прошли.

Он не ответил, даже не кивнул, поцеловал и вышел. Практически сразу постучались в дверь гостиной.

– Войдите! – крикнула она, выходя на встречу. Проснулись две головушки. Немного сонные лица, зато умытые и тщательно одетые, Вел поняла – сделали все сами.

– Доброе утро, мамочка! – Влада всегда была решительней или смелей, только сейчас это было не важно. – Мы проснулись.

– Как спалось? – Вел улыбаясь, как ни в чем не бывало, похлопала рукой по дивану, предлагая присесть рядышком.

– Хорошо. – ответила Мира, – мы не хотим разъезжаться. Можно мы будем в одной комнате?

– Если обе уверены, что по-прежнему любите друг друга.

– Очень! – их ручонки обняли ее. – И тебя, и папу и всех, всех.

– Сегодня вы настоящие принцессы!

– А ты позавтракаешь с нами?

– Конечно! Вот только оденусь. Ну, бегите, поиграйте, еще есть время. А что Лера, будет с нами завтракать? – невзначай спросила Вел.

– Да! Но мы ей напомним.

Дети помогли накрыть на стол, когда Вел и Эд вошли в столовую. Лера была грустная, задумчивая, молчаливо возилась со всеми.

– Доброе утро! – поздоровался со всеми Эд и помог своим женщинам рассеется. – Приятного всем аппетита.

– Можно мне сначала сказать? – спросила Лера, не поднимая глаз.

– Говори. – сказал он, Вел не вмешивалась.

– Простите меня, пожалуйста, я была не права. И если можно, то посадите под арест, я не хочу уезжать. . . ., из семьи.

– Если ты решила остаться, то мы не гоним, – ответила ей Вел. – Только, пожалуйста, отложим все разговоры на время завтрака, если можно.

Глава 6

В то же самое время, когда у Валери с Эдгаром взбеле-нилась приемная дочь Валерия, в семье младших, Дэниэля и Евгении, о покое только мечталось. Агния плакала второй час, но уже не кричала, а хрипло всхлипывала. Ев пыталась ее успокоить, потом вразумить – все было тщетно. Дэн намеревался поговорить с дочерью, но реакция была обратная, та скрутилась, как еж, спрятав голову за худенькими коленками. Тогда он взял ее в охапку и отнес в комнату, уложил на кровать, говоря:

– Хочешь плакать – пожалуйста! Надоест, скажи.

– Дэн! Нельзя так с ней, надо уgomонить. – Ев пыталась войти к дочери, но муж твердо стоял у двери и не пускал:

– Как?! Ты же видишь, ей сейчас все по барабану. Пусть наплачется.

– Это не правильно. Мы же родители, она наша кровинушка, нельзя так...

– А как можно? Что ты сделаешь, если у нее панцирь упрямства. Приласкать сейчас – будет себя жалеть и продолжать реветь. Наказать – она поймет за что? Нет! Не поймет, продолжит рюмсать.

– Но я не могу так. – Ев заламывала руки, подняв их к подбородку, моля его быть мягче.

– Можешь! – заявил Дэн. – Ты сейчас откроешь дверь,

займешься, чем хочешь, поглядывая, но не иди на поводу. Пожалуйста! Дай ей самой разобраться, что не так. Найти пояснение истерике и нам сказать, чтобы мы могли помочь.

– В этом весь ты. – топнула Ев и отвернулась от него.

– Пусть так. Хотя хотелось бы знать, в чем в этом? Но ты, не поругаешься со мной из-за детских капризов. И я не дам ей свесить ножки с твоей шейки, или тебе выйти из себя и побить ее. Возможно, строго, но будет так, как я сказал, и покончим на этом. Я сейчас открою дверь, ты войдешь одна, или мы вдвоем, но не к ней, а по делу. Какому – решай сама! Так, или никак!

– Мужчина! – улыбнулась Ев, услышав, наконец, суть его слова.

– Прекрати меня соблазнять своей улыбкой. Я злой! – отвернулся, не спеша отходить от двери. Ев погладила его по руке, заглядывая в лицо:

– Мне тоже жаль твою работу.

– Да причем тут это! – Дэн уже и забыл о полотне, его больше всего волновало, злило и выводило из себя возникшее непонимание между ними и дочкой. – Хотя да, это была первая...

– Будут лучше. – Ев продолжала его задабривать. – А вот насчет первой, тут ты напрашиваешься на комплимент.

– Ну, все. – он наконец-то обнял ее и поцеловал в макушку. – Главное понять, что ею двигало.

Пока они спорили, Ния успокоилась и уснула. Услышав

тишину, Ев заглянула, пошла к себе в комнату за книгой и присела у окна, читая, поглядывала на дочь, пыталась понять причину истерики.

– Дэн! – позвала она его тихо, когда он в очередной раз заглянул к ним. – Может она заболела? Ведь дети по-разному реагируют на боль.

Дэн подошел, положил руку на лобик дочки:

– Нет. Агнуша не больна. Спит спокойно. Просто вредничала. Кстати, все хочу спросить и никак не соберусь: почему Агния?

– Не знаю, красиво. – пожала плечиками Ев и бросила взгляд на малышку.

– А я думал, «Ния» – чтобы не вложить в дочь что-то от себя. Ведь, признайся, была сорванцом?

– Была.

– Значит я прав. Ния – то есть, лучше.

– Философ. Я – ангел! Куда же еще лучше?

– Не спорю. Но как-нибудь, порасспрошу у сестрицы и ма-тушки, более подробно жизнь моего ангела.

– Ой, да ладно тебе. Имя понравилось, вот и назвала. Хочешь сказать, не подходит ей?

– Нашей красавице все подойдет. – Он сморщил лоб, Ев заметила и уставилась на него, ожидая. – Ну, да, ты правильно поняла, был у меня еще один вариант. – Он присел у ее ног, положил руки на колени. – Я поначалу думал, что это в честь, или память, вашей встречи с Гармонией.

– Встреча действительно была памятной и не останется бесследной. – ответила ему Ев. – Но не настолько, чтобы делать собственного ребенка заложницей. Нет, любимый мой муж, в честь сестриц, ГарМонИй, я ее не называла, хотя бы потому, чтобы она выросла личностью цельной, а не утрированной.

– Даже так. – улыбнулся Дэн, открыл рот, но рука жены легла на его губы:

– Ты лучше скажи, как собираешься узнать у четырехлетнего ребенка, что ею двигало.

– Пусть поспит, там видно будет. – он поднялся, пошел к двери.

Агния проснулась и оглянулась по сторонам. Губка вздрогнула.

– Что такое? – подошла к ней Ев. – Не заплакала? Иди ко мне. – дочь забралась на руки и прижалась. – Так-то лучше. Такой день хороший, а ты просидела дома. Может быть, ты вообще хочешь сидеть здесь и ничего не видеть? – девочка молчала. – Пойди к папе, помирись с ним, и пойдете плавать, как кит и дельфинчик.

– Не хочу! – упрямо ответила Агния.

– Что не хочешь? Говорить или плавать.

– Идти!

– Вот тебе раз. – Ев даже засмеялась: – Тогда летай. – поцеловала красненькие, примятые после сна щечки, усадила, глядя спинку: – Давай поговорим. Ты у нас взрослая девоч-

ка?

– Да!

– Говорить будем как взрослые?

– Да!

– Объясни, что случилось? – Ния молчала. – Наверное, ты хочешь, чтобы я порезала все твои рисунки и легла плакать. Как тебе такой вариант?

– Нет!

– Что нет? Вот ты, как большой человек, забралась в мастерскую, сделала очень плохо и что? Не стыдно?

– Там был плохой.

– Кто плохой? Ния! Сядь ровно и расскажи все.

– Я не знаю. – девчушка дрожала. – Там был плохой, страшный. Я его прогнала.

– Давай мы договоримся, – вошел к ним Дэн, услышав беседу: – если ты увидишь, что-то плохое или страшное, то скажешь мне. Я же папа. Буду вас защищать. Согласна?

– Да!

– Как здорово! Пойдешь ко мне, мой ежик? – девочкаглянула на него из под лобика, протянула руки. Дэн подхватил ее, уточняя: – И куда пойдём?

– Купаться.

– Хорошо. Поплаваем и кушать. А завтра, приедут девочки, тебе будет веселей.

Он бережно держал ее в руках, сбегая по многоступенчатой лестнице. Горячее сопение в шею щекотало, но веселья

в его душе не было. В другой день он придумал бы тысячу прозвищ этому дыханию, но не сегодня. Сейчас он думал лишь об одном – что ее напугало? Что она увидела в его картине? А может и не в картине дело? Возможно, она унаследовала дар Ольги или Ев. Видит будущее, и оно ее пугает. Надо посмотреть еще раз то, что осталось от его работы. Там может быть разгадка. Посмотреть! Только ее глазами. Ев! Как же они не вспомнили? За неудержимым, непонятным, долгим плачем дочурки, все вылетело из головы.

Жан, той же ночью, лежал, прокручивая прожитый год. Виен, скрутившись калачиком и овладев его рукой, беспокойно спала, выкашливая табак и бурча про себя недовольство. Проанализировав очередной фрагмент, опять отвлекся на жену. Она снова закашлялась, отвернулась к окну и тяжело дышала, но зато отпустила его. Поднялся, посильней открыл окно и задержал взгляд на ее уставшем лице – такой он ее никогда не видел. Даже в болезни она следила за собой, а тут – волосы не чесаны, косметика размазалась, тушь потекла. Усмехнулся, представив ее самооценку поутру, и прилег назад:

«Что же тебя так взвинтило? Утром же будешь убивать себя за содеянное. Будешь, я знаю. Только что тебя толкнуло на такой поступок?» – он еще раз глянул в ее сторону, заложил руки за голову и уставился в потолок: «Появилась шка-тулка.... Да, нет! Зачем все спихивать на каменные штука-

вины? Хотя... Как там мать говорила – есть проблема, принеси в дом камень, приголубь, подружись, отдай ему проблему и выпусти камушек на волю. Он унесет ее, придаст земле... Да, именно так она говорила. У нас же что, получается: попадают в дом каменные изваяния, за ними возникает проблема. Является или вскрывается завуалированный волдырь? Надо над этим серьезно поразмыслить!... И все-таки – ларец. Виен его в руках подержала минут десять... Надо это осмыслить, ой как надо. Придешь в себя – сразу к морю! – приподнялся, взбил подушку. – Я отброшу все дела. Ничего, пусть мальчишки поработают, побегают по филиалам. Им это даже полезно. Девчонки тоже развеются, а за внучками мы присмотрим. Я буду больше времени уделять тебе и наконец, займусь семейными архивами. Перерою все, в двух домах. Не может быть, чтобы ничего не было об этих вещах! Ольга не думала даже отдавать власть в другие руки, это ясно, как дважды – два. Так, навеяло спонтанно. Хотела проверить, насколько нас хватит. А нас, мама, хватило надолго! И еще столько же продержимся. – он проговаривал это, покручивая родовой перстень, из неизвестного камня – хамелеона, умеющего менять цвет, который в последние годы был «молчалив». Сам не заметил, переключился на односторонний разговор с матерью. – Нет, мы выстоим! Научимся жить без твоей опеки, без твоего руководства. Не хочешь общаться – не надо. Я тоже не хочу! После всего, что ты сделала, после всех этих лет молчания, после того, как ты бросила нас

в порыве собственных амбиций. Бесплезная безделица! – глянул он на кольцо: – Сниму тебя сразу, как приедем в имение! – пообещал, в сердцах убрал руку за спину: – И хорошо, что не звонит! Я по-прежнему завожусь, лишь только думая о ней. Это же надо такое вытворить?! Внука она спасала. Так и хочется ей все высказать. Ух!... Вот и рассвет. – Виен пробурчала в ответ на его мысли, перевернулась на другой бок и забрала все простыни. – Хорошо, что тебе не плохо! – сказал он, расправляя постель, почувствовав, что, наконец, и к нему подступает дремота. – Но утро жди тяжелым. – прикрыв глаза, пожегал немного, бездумно. И убедившись, что не уснет, пошел на кухню, варить кофе.

Тяжесть в голове, отвратительное послевкусие и дыхание, напоминающее уснувший вулкан – Виен резко открыла глаза:

– Похоже я дома! Как? Ничего не помню! – она уставилась в потолок. – Машина! Если я в постели, значит с ней все в порядке. Нифига не помню! Хотя, вру сама себе. Коктейли помню. Сколько их было? Кажется, пять. Нет! Пять первых мне понравились, они были слабенькие, а потом... Дальше мы болтали с барменом, опять пила, сигареты. Уу-уу! Зачем я их купила? Кстати, а где они?... – не пошевелив даже головой, чтобы проверить, переключилась: – Шестым был «Голубая Фея». Что-то было еще.... Бармен предложил.... я вышла на улицу... Провал. Ничего не помню! Как же болит голова! – она провела рукой по подушке му-

жа. – Ночевал здесь. Значит, виделись. И где это он в такую рань? Фу. – аромат кофе долетел до спальни и его запах всколыхнул в ней алкоголь, началась жажда. Как не хотелось вставать, но пришлось. – Не звать же его! – ответила сама себе, приподняла голову и увидела два бокала и бутылку вина, принесенную Жаном накануне вечером, но так и не тронута. Показалось, что это то, что ей надо. Держась за виски, поднялась. Терпимо мутило, слегка качало: – Сделаю пару глотков, говорят, помогает. – вытащила пробку и сделала всего два глотка, стало действительно легче. Наполнила бокал и увидела себя в зеркале – зрелище было ужасающее! – Похоже, до ванной я не дошла. – вернулась в кровать, оставила бокал на тумбочке и легла. Начало знобить. Подтянула махровую простынь, укрылась, оставив часть лица. В окно врывалась свежесть, задышала спокойней. Где-то в глубине, далеко, далеко, просыпалась совесть. Аромат кофе приближался, ей от этого становилось тяжелей. Так захотелось родного тепла, объятий и успокаивающего голоса мужа. А в голове, каждый его шаг, озвучивался собственными приказами: «Встать и умыться! Встать и умыться!» – но продолжала лежать.

– Вот! – поставил он дымящуюся чашку и нарезанный полукольцами лимон. – Это намного лучше.

– Интересно чем? – вырвался наружу умирающий бунтарь ее эгоизма или спесивости. И она взбеленилась: – Почему все и всегда решают, что мне лучше?! Все, кому не лень? –

то ли гнев, то ли запах кофе, но у Виен начался противоположный ожиданию Жана, эффект. Перекатившись через кровать, она вылетела в ванную, забралась под ледяной душ и трезвела. Услышала, как хлопнула входная дверь: – Ну и иди! Ты всегда уходишь от меня. Ты всегда отстраняешься от проблем. Иди! – кричала она громко. – Я и есть твоя самая большая проблема! – Довела воду до терпимого кипятка, выждала, сколько могла, психуя, и ругаясь. Слез не было, как и обиды, сколько ее не искала.

Спальня была приведена в порядок – кровать заправлена, посуда вынесена, ее вещи убраны.

– Хозяин! – хмыкнула Виен и перебралась в гостиную. Есть не хотелось, алкоголь гулял по разгоряченным венам. Сев на мягкий диван, погрузилась в экран. Через пару минут улеглась и не заметила, как уснула.

Жан не стал теребить Михаила, хоть и знал его всю свою жизнь, но разговоров, любых, хотелось избежать. Отправился в магазин, неспешно ходил между рядами, давая Виен прийти в себя. Еще из лифта слышал телевизор, он невероятно громко работал. Поставил пакеты на кухне и только после этого зашел в комнату. Виен спала, держа палец на кнопке звука. Полупустая бутылка у изголовья, из упавшего стакана разлилось вино.

– Понятно, догонялась! Я, конечно же, во всем виноват. Ну, ну! Давай, издевайся над собой. Проходили, знаем, как вы это можете делать! – накрыл ее пледом и пошел на кух-

ню. – Дэн! Привет! Ну как вы там?

– Нормально. Агния к вечеру успокоилась, но мы так и не поняли, что это было.

– Я звоню сказать, что задержимся.

– Как хотите. – голос сына был безразличен и даже следующий вопрос прозвучал без всякого интереса: – Надеюсь, вы без проблем?

– Да какие у нас проблемы? Мы уже дети взрослые.

Дэн засмеялся, поняв, что Виен все еще вредничает:

– Тогда гуляйте! Виен привет.

– Передам. Целуй девочек! – отключился и повторил: – Передам, как начнет соображать! – взялся за пакеты, поднес к холодильнику, но вспомнил: – Эд! – проведя такой же короткий разговор, заглянул в комнату и вернулся в кухню. Его вдруг одолело желание приготовить обед, и он окунулся в этот процесс, не забывая заглядывать к ней.

Виен проснулась, когда начало темнеть, посидела, приходя в себя, прокручивая и разбирая события со вчерашнего вечера. Жан уже работал с документами, услышав ее, вышел из кабинета:

– Виен! Я приготовил твою любимую солянку, еще горячая. Давай обедать!

– Не хочу! – ее блуждающий взгляд проскальзывал мимо, даже не цепляя его. Обойдя мужа, направилась прямо в гардеробную, ударилась плечом, выругалась. Вываливая вещи прямо на пол, нашла невзрачные джинсы, скорее всего, ко-

го-то из дочерей. Оделась и так же прошлепала к выходу. Открывая ящик за ящиком, что-то искала.

– Помочь? – следу за ней как тень, спросил Жан.

– Да! Где деньги? – Жан достал из кармана какую-то мелочь:

– Вот собственно все, что есть. Ты же прекрасно знаешь, у нас все на карточках. Ты значительно потратила наличные, на подарки.

– Написать отчет? Дай лучше карточку. – она протянула руку, которая тряслась, как лист на ветру. «Алкогольный синдром», заметил про себя Жан.

– Возьми! – Виен всунула пластик в задний карман и опять перевернула все:

– Где ключи?

– Ключи? Какие? – спокойно спросил Жан, прекрасно понимая, о чем идет речь.

– От моей машины! – его тон упал на курок ее нервов. Практически крикнув вопрос, она уставилась на него замутненными глазами, еле сдерживаясь, чтобы не взвыть.

– Виен! Машины нет! – все тем же монотонным голосом продолжал муж.

– Не поняла?! – хотела выпрямиться, но ее шатнуло в сторону, и она уперлась рукой в стену. – И где она?

– В ремонте! – его ответ заставил Виен присесть прямо на тумбочку:

– Что с ней?

– Ты вчера, немного покаталась.

– Да? – она задумалась, прикрыв глаза, но тут же «жажда загула» взяла верх. – А твои?

– Михаил уехал по делам. Будет в городе завтра к вечеру.

– Врешь! Жалко... Тебе жалко железяки?! Хорошо, я возьму такси. Так даже проще. – взяла телефон, не попадая в нужные кнопки, психовала. – Какой номер? Или набери, лучше сам!

– Я не знаю номера.

– Не знаю, не знаю! Постоянно один ответ. Ты хоть что-то знаешь?

– Все! – коротко ответил Жан и забрал телефон. – Ты никуда не поедешь. Это я знаю точно! А еще то, что ты пойдешь со мной на кухню, съешь то, что я тебе дам и будешь выходить из своего загула! Или я тебя буду сам выводить!

– Да иди ты..., сам! На свою кухню. – повернулась к двери, но та не слушалась, замки не открывались. Демонстративно прошла в гостиную, открыла бар, не глядя на этикетки, налила в стакан и выпила залпом.

– Так и будешь напиваться, без причины и повода?

– А у тебя есть другое предложение?

– Есть.

– Так предлагай! – бороться с дверью ей больше не хотелось, как и ехать из дому. Решила – зачем, если можно прекрасно обойтись и домашней коллекцией. Взяла с собой бутылку, уселась на диван. – Говори, чего замолчал? Нет

слов? – немного подумав, взяла второй стакан и подошла к нему. – Это так похоже на тебя! Компанию составишь? – вопрос бросила так, лишь бы не молчать. – Мне вот для тебя ничего не жалко!

– Наливай, будем пить вместе, все же приятней... – Жан не договорил то, что у него из души рвалось наружу, но Ви прекрасно его поняла:

– Конечно! Мы же правильные, воспитанные, чистенькие! Нам и правду сказать совестно. Как же мы женщину-то обидим, даже такую! «Наливай!» Нет, чтобы быть мужчиной, поухаживать за дамой, так он: «наливай»! – подошла к столу, разлила в стаканы, практически поровну и подняла один. – За тебя! – выпила залпом, даже не скривилась. Жан смотрел на нее и поражался – это же просто кошмарный сон! Столько лет вместе, она после второго бокала кривилась. Ну, слабоалкогольные коктейли могла, немного больше выпить и что вдруг ее так свернуло с дороги? Хотя с другой-то стороны, ему на пользу. Узнает все, что она о нем думает. И Виен не заставила себя долго ждать. – Не пьешь? Представь, меня не удивляет! Со мной и пить противно. Знаю. Вот ты думаешь – я неблагодарная. Нет! Ошибаешься. Я все помню. Особенно хорошее. И как ты меня спас, и как женился и что подарил. Помню. Все, все. Но одного понять не могу, зачем ты все это сделал? Я же тебе в тягость. Молчишь, да и не надо говорить, ты однажды уже сказал. А я же тебя так любила, просто жуть! Всю свою жизнь. Как увидела, тогда

на море, в самом рассвете своей юности, так все – голову потеряла. Столько лет мечтала, что ты приедешь однажды, забереешь и увезешь меня от этих... ну, тех.... А ты... Ты же убил во мне все самое лучшее, что не смогли даже те две фурии уничтожить. Ты убил во мне МЕНЯ. Взял и вычеркнул. Стер ластиком, вымоченном в керосине. Так просто, безжалостно, до дыр. А, что говорить – я же никто! – Виен опять приложила к стакану. Жан ждал, что вот-вот, потекут слезы, она разрыдается и ему будет легче ее успокоить и доказать, что это не так! Столько лет прошло, всего одна оплошность им сделана, а так засела у нее в сердце. Но, у Виен даже голос не дрогнул. Язык заплетался, от выпитого на голодный желудок, а слабости не было! И глаз не отводила, говорила, снимая с него кожу и посыпая солью: – И на этом тебе большое спасибо! Я теперь чистый лист, могу рисовать свою жизнь заново. – икнула и не заметила этого. – Чистый, лист, для всех! И детей в том числе. Ви, Ви! Как собачонку! Фу! Все забыли, что у меня есть имя. Стоп! Имени то у меня и нет! Ну я дала... Да! Я-то думала, а оно вон что! Оно-то, конечно, потому что, что-ж... Еще бы! Ты же имечко-то мое и выбелил. Да не парься! Я не обижаюсь. По делам, наверное. Только... Дел-то, у меня ни каких. Во! Чем запомнят? Нечем! Жила бессмысленно и уйду без памяти. Ладно. Давай за тебя! Ты – человек! Не пустое место. – опустила голову, смотря в пол, шмыгнув носом.

– Вилен! – голос Жана прозвучал настолько нежно, что

она съежилась, услышав свое имя, и подняла к нему голову. – Ты меня так и не простила.

– Простила? – переспросила она. – За что? Я же не Господь. Это он имеет право: прощать или не прощать. А я тебе благодарна! Правда, правда! Ты открыл мне меня – без иллюзий и прикрас. Ты сделал из меня то, что никто не решался... – махнула рукой, пояснять не стала. Снова опустила голову и вздохнула. – Давай выпьем.

– Вилена! – он, наконец, присел рядом и взял ее руки, удерживая от бутылки. – Прошу.

– Ты все еще здесь? – спросила так, словно прошло несколько часов, а не секунд. Прищурилась, присматриваясь. – А где мои вчерашние вещи?

– В корзине. Зачем они тебе?

– У меня там что-то было.

– Скажи, я принесу.

– Я сама! – поднялась, пошатываясь ушла, он последовал за ней. Виен уселась на пол, достала брюки и вывернула карманы, говоря: – пусто! – и тут же закричала: – Жан! – крикнула громко и, увидев его, добавила: – А, ты здесь. Где мои сигареты?

– Виен! Ты не куришь!

– Не курю! Точно сказано. Это я так, со вчера, убиваю в себе НИЧТО! Так где? Отдавай, нехороший такой челове- чище!

Он принес три пачки:

– Какие?

– Пока не поняла, но цвет нравится зелененький!

– Возьми.

– А прикурить? – поднялась и тут же села на корзину. – Тебе не кажется, что меня становится все меньше?

– Не, кажется! – неожиданно для себя Жан засмеялся: Виен имела необычайное свойство – в любых ситуациях становиться ребенком, проказным, но милым. Вот и сейчас – ни капли макияжа, небрежно одета, короткие волосы торчком, опять похудела, а выражение глаз, как у пятилетнего ребенка, съевшего весь шоколад. Виен не заметила его смеха, или абстрагировалась. Все еще улыбаясь, Жан добавил: – Тебя, наоборот, много!

– Правда? – она соображала, в каком плане он это все говорит и крутила сигаретку. – Мужчина! А прикурить?

Жан чиркнул зажигалкой и поднес ей. Виен затаилась, скривилась и сразу закашляла.

– И для чего? – поинтересовался Жан, глядя на ее побелевшее лицо.

– Если бы я знала...

– Дорогая! – Жан попытался забрать у нее сигарету. – Тебе не идет и ты, напоминаю, не переносишь дым! Даже снадобья Дэна не смогли это исправить. У тебя аллергия, будет плохо.

– Куда же хуже, чем есть?

– Пожалуйста, пропустим это истязание. Действительно, тебе не к лицу сигарета.

– Да, что ты говоришь?! – она сделала очередную затяжку и вырубилась.

– Хотя бы так! – Жан отнес ее на кровать и опять послушно начал исправлять устроенный ею безлад.

«Одна ошибка. Одна оплошность. Пусть даже большая, но не преднамеренная! Одно недосказанное слово, а в моем случае недописанное! Только единственный раз ревность закрыла мне глаза, всего лишь на мгновение я оказался слаб, а кару буду нести всю жизнь. Почему я тогда не поговорил с ней, почему не осмелился высказать свои сомнения? Все бы давно забылось. А теперь я пожинаю плоды собственной глупости! И ведь любил ее тогда и люблю сейчас в два раза больше! И она меня любит, я это знаю. Очень любит. Иначе давно бы уже вычеркнула из своей жизни. А обиду помнит.... Столько лет прошло с той никчемной записки, столько переговорено, еще больше – вымолено прощения, а стыдно до такой степени, что не знаю, куда девать глаза! Милая моя Виен! Как же тебе будет плохо, после всех этих загулов, но как это вовремя случилось. Ты хоть смогла все выплеснуть! И я теперь буду надеяться, что забудешь мою погрешность, увидишь, насколько сильно я тебя люблю, и простишь – старого, глупого мужа! Теряющего голову от страсти к тебе».

Наутро у Виен срыв начался прямо с утра. Едва открыла

глаза, пошла в столовую, достала из холодильника недопитую бутылку, вытащила чашку.

– Прости, но сегодня я тебе этого не позволю! – Жан возник рядом как тень, бесшумно и сразу забрал у нее все.

– Але, гараж! Не имеешь право! Я свободный человек!

– Имею! Ты мне не соседка!

– Давай, дави на совесть! Вспомни о детях! Только не поможет. Детям на меня наплевать! Совесть давно отработала свое, не замучает, а ты... Ты можешь и не смотреть, раз я так тебе безобразна.

– Виен! – обнял. – Ты же другая! Опомнись, любимая!

– Ух! Как лихо. Да ножом по сердцу. Только я устала быть другой! Не знаю, что ты имел в виду, но больше не хочу быть прежней! Дай стакан.

– И не надо быть прежней. Ты всегда разная. Ты умеешь меняться, не теряя лицо.

– Дай мне стакан.

– Я прошу только об одном, не истязай себя.

– Дай мне выпить! – требование ее становилось все громче. Не желая огласки, Жан открыл холодильник, налил пиво, легкое, без алкогольное.

– Что это?

– Пиво, единственное, что ты пила всегда. А с похмелья говорят, помогает!

– Пей сам. Непустишь к бару, уйду из дома!

– Не уйдешь!

– Запрешь?!

– Если понадобится, то запрю! Преступлю себя, но верну тебя к жизни!

– Я буду орать! – они говорили на повышенных тонах, причем Виен старалась сама себя перекричать, Жан говорил тише, но так, чтобы она его слышала:

– Сколько влезет! Только я и вырубить могу. Правду говорю. И не сочту это жестоким.

– Во-ма, как! Значит ударишь?

– Я же сказал, если ты не поймешь! Пей свое пиво, или я и его вылью!

– Я эту дрянь, пить не буду!

– Как хочешь! – он перевернул бутылку и, смотря на нее, вылил все в раковину. – Курить хочешь? – Вспомнив, что вторая затяжка ее выключает, положил перед ней пачку и достал зажигалку.

– Буду! – достала сигарету.

– Только все сразу! Начну тебя, как ребенка учить!

– А ты изверг! Узурпатор! Сатрап!

– Без возражений. Я, такой! – взял ее за руки и притянул к себе. – Виен! Я очень пред тобой виноват, за прошлые годы. Но, я же пытаюсь измениться. Дай же мне это сделать, не разрушай тобою же построенное! Виен, родная моя, мы тебя все так любим! Вспомни об этом, пожалуйста! Ты – не пустое место в нашей жизни, не картина и не игрушка! Ты не зверушка, с которой поиграли и выбросили, потому что

надоела. Ты мой любимый человечек, моя жизнь и моя совесть! Ну, все.... Иди ко мне.... Немного пошалила, навстречу детство, теперь возвращайся. Пожалуйста! – он слышал ее напряженность, поэтому не стал навязываться с нежностью. Усадил на стул, погладил по плечам, затем по голове, сделал шаг в сторону, взял турочку. – Сейчас заварю свой, фирменный, кофе!

– Не хочу я кофе! – проронила она, но уже без истерики.

– Хорошо, будем пить чай! Он с утра, даже лучше! – открыл окно, выбросил в мусорное ведро все сигареты и поставил на стол две дымящиеся чашки, ароматного, зеленого чая. Виен взяла чашку дрожащими руками, сделала маленький глоток и тут же услышала, как пары выпитого всколыхнулись и согрели кровь. Бросила в чашку кусочек лимона и опять глотнула и тут ее загул, запоздало, но вылез наружу.

Сутки он предотвращал ее алкогольное отравление, еще полдня приводил в норму. На рассвете понял, что все удалось.

– Как самочувствие? – спросил, увидев, что жена проснулась.

– Нормально.

– Приятно слышать. Думаю, дня через два можем ехать к детям.

– Можем. – вздохнул и спряталась под одеяло, оставляя только нос: – Как они?

– Позвони, телефон на столике. Скажу одно – скучают.

– Не сейчас. – помолчала, поглядывая на него одним взглядом: – Дай оклематься, потом добьешь.

– Даже не думал. Вот глупая! Как я могу? Да и потом, время-то потеряно! Что приготовить?

– Не обижайся, но мне все равно. – и она, наконец, улыбнулась – болезненно, устало, но по доброму.

Глава 7

Николя, отец Жана и любимец женской половины семьи Гаев, после отъезда жены Ольги, постоянно жил в большом имении на юге. По желанию ли быть необходимым семье, или по решению не навязываться жене, заявившей, что устала от всех и всего. Быть может, все вместе руководило им. Как бы там ни было, а он привык охранять тайники и все содержимое в них, особенно большую библиотеку Рода и не собирался менять собственные правила. Он, чистой и открытой души человек, старался быть незаметным, скромным и ненавязчивым. Радовался, как подросток, приезду семьи и грустил, оставаясь один. Навещал их в других домах только лишь по крайней необходимости. Но держал постоянную связь, волнуясь за всех и переживая за каждого. В этом же месяце он, время от времени, куда-то пропадал. Не часто, но надолго. Никто особенно на это не обращал внимания – Ник человек взрослый, столько лет один, имеет право отдохнуть ото всех, побыть с друзьями, хотя никто из семьи не знал таковых, кроме, разве что семьи Стефана, или, в конце концов, навестить Ольгу, в местах ее уединения.

– Степан! – вызвал он старшего охраны, необычно радуясь отъезду всех. – Мне нужно уехать на пару дней.

– Понятно. – кивнул мужчина и приготовился выслушать поручения.

– Надеюсь, дом будет в полном порядке, никого посторонних, в особенности из списка, что составлен Жаном. И, без причин не звони. Ах, да! Если что-то, сверхважное произойдет, чего просто не должно быть, можешь позвонить Жану или мальчикам, если я вдруг сразу не отвечу. – сразу же уехал, взяв с собой небольшой саквояж и оставив дом на небольшое количество обслуги, отпустив остальной штат в отпуск. Прошла неделя – Николя не появлялся. Со второй, Степан начал волноваться и позвонил ему – тишина. Решив, что хозяин может быть очень занят, отложил до вечера. А на следующее утро, когда ответного звонка так и не последовало, а дом впервые на такое время остался без хозяев, набрал Жану.

«Слушаю!» – ответил Жан с первым же гудком.

– Жан! Извини, что беспокою, тут такое дело...

«Не тyani! Говори прямо и суть!»

Степан понял, что Жан чем-то очень занят, но поставить его в известность было необходимо:

– Ник уехал на пару дней. Прошло больше недели, он не звонил и не отвечает на звонки. Ты только не подумай, в доме все в порядке, просто Николай никогда настолько не уезжал.

«И на звонки, говоришь, не отвечает?» – переспросил Жан.

– Не отвечает. – повторил охранник и умолк, ожидая распоряжения.

«Странно. – Жан действительно удивился, только сейчас понял, что за всем случившимся с женой, он упустил тот момент, что ни разу не позвонил отцу, да и тот, как это не показалось бы нормальным, не позвонил им с Ви ни разу. – Он не сказал куда едет?»

– Точно, нет. Просто сообщил, что по делам.

«Неделю?» – переспрашивая, Жан пытался определить, куда можно, было бы, срочно умчатся. С филиалов их юридической фирмы всегда звонили ему или Эдгару, с клиники Дэну. Жану же мог позвонить только Влад, если происходило нечто неординарное. Из издательства – только Вел, даже Ев редко тревожили. Конечно, Ник следит за небольшой конторкой издательства, но это в часе езды от имения. Ну, на день уехать.... Ольга вызвала?! Да нет, – думал Жан. – отец бы сказал, что покинет дом.

– Не совсем, – голос Стефана перебил размышления Жана, – уже почти две. Насторожило то, что со вчера телефон вне зоны.

«Понятно! Спасибо за звонок, я разберусь». – Жан отключился, но перезванивать отцу не стал, призадумался: отец мог поехать к матери, та взбунтовалась, вот и задержался. Но, с другой стороны – даже она понимает, что дом оставлять на прислугу.... И почему не сказал?...

– Кто звонил? – спросила Виен, видя растерянность мужа.

– Степан. – за своей задумчивостью, Жан даже не заметил встревоженных глаз жены и то, как она быстро пришла в се-

бя, хотя еще пять минут назад, старалась избегать его взгляда. – Отец пропал.

– Собираемся!

– Куда?! Ты вон еще бледная, как поганка!

– И что теперь? Все время прятаться от всех. На солнце наверстаю свою румянность. – Виен уже достала косметику и усердно прятала следы минувших дней. – Детям скажу правду.

– Вот только давай без этого обойдемся. – подошел к ней Жан и наклонившись взял за плечо: – Ты что, приболеть не можешь? Не хватало еще перед ними отчитываться!

– Стесняешься, что жена алкоголичка! – отвернулась Виен.

– Да чтоб тебя дождь намочил! С чего мне стесняться? Выдумала. Рассмешила! Если бы не заковырка с отцом, ох и посмеялся бы!

– Так чего сидим? Ник никогда не оставил бы дом без причины.... Собирай сумки!

Через час они были в дороге и к вечеру в летнем домике на побережье Азовского моря:

– Явились! – вышли навстречу им дети. – А похудела! Ты что, болела?

– Слегка. – отмахнулась Виен, пряча глаза, радуясь, что внучки ее увлекают к себе.

– Могли бы и позвонить. – укорил Дэн, заметив нездоровый цвет ее лица. – Два часа и я был бы у вас.

– Справились. – ответил Жан. – Вам самим пришлось не легче. – он достал сумки, но в дом не вносил. – Кажется, у нас появились проблемы. Дед пропал. Две недели в доме не появлялся и на звонки не отвечает.

– Как пропал? Вы откуда знаете? – посыпались вопросы.

– Степан позвонил. – принялся пояснять Жан. – Больше ничего сказать не могу. Я сразу туда, так что Ви на вашем попечении.

– Жан! – Виен как ошпарили кипятком. Она выпрямилась, приподняла очки, открывая семье круги вокруг глаз, старательно замазанные тональным кремом. – Я не ребенок!

– Ребенок, только большой. – засмеялась Вел. – Мы бы тоже поехали, только детей так быстро не собрать.

– Да не надо всем перебазироваться. – Жан поглядывал на часы. Ночь на подходе, а брат с собой он никого не хотел. Море знал, как свои пять пальцев, так что, надеялся быстро управиться и по возможности завтра вернуться, правда и обещаний давать не стал, говоря лишь: – Я справлюсь.

– Ну, уж нет! – вмешался Эд. – Женщины и сами прекрасно побудут пару дней. Если ничего не случилось, мы с Дэном утром вернемся. Возражений нет?

– А должны? – спросила Ев и пошла собирать мужа в дорогу.

Через полчаса, маленький катерок, сияя огоньками, покинул берег.

– Рассказывай! – набросилась на мать Вел. Она спешно

уложила детей спать и сразу к ней.

– Что тебе рассказать? – нехотя уточнила Виен, продолжая накладывать крем на лицо.

– Все! – за Вел появилась младшая и, как повелось с детства, сразу же стала на сторону сестры. – Что в действительности приключилось?

– Долго рассказывать. – ответила Виен никак не реагируя на их присутствие.

– До утра времени много, а мы до пятницы, совершенно свободны! – заявила Ев и подмигнула сестре, та тоже не осталась в стороне, подмигивала ей, бросая намеки, но Ви словно не видела и не слышала их, гнула свое:

– Отравилась. Все, больше говорить мне вам нечего.

– А говорила – долго рассказывать? – теперь Вел взялась ее допекать: – Ну, давай подробности.

– Это к Жану. Он расскажет все в красках и картинках, а я не умею. Правда, давайте в другой раз.

– А ты постарайся. Свою версию. Его мы потом дождем...

Степан встречал их на причале, мужчины сразу поняли – взволнован не шуточно. Жан начал расспрос сразу, как только ступил на землю:

– Говори все как есть.

– Да говорить-то, собственно нечего! Он частенько уезжал, на день, иногда с ночевкой. Еще когда Эд с семьей жил здесь. Так случилось и в день их отъезда. Николай уехал

практически сразу, к утру был дома. А через день объявил, что надо отъехать на пару дней, по делам. И если что, то звонить тебе.

– Небывалое! – присвистнул Жан. – Он же вообще не любитель отлучаться! Что же это творится? Неужели Ольга звала?

– Что гадать! Приедем домой, может, найдем записку или что еще. – Эд был не меньше удивлен отъездом деда, но оставлял преждевременную тревогу до полного понимания происходящего.

– Он как уезжал, с вещами? – уточнил Дэн.

– Да нет, только саквояж был в руках. Бросил его в машину и умчался.

Половина Николая была заперта. Жан взял запасной ключ и обследовал все досконально:

– Вещи все на месте. Взял паспорт и права... Да уж, не собирался отец долго отсутствовать. Загранпаспорт в ящике, значит в стране.

– Что-то нашли? – Дэн пробежался по всему дому, не найдя никакого намека, поднялся к остальным.

– Ничего! – ответил Эд и сев за комп, просматривал сводки новостей. Жан же, на всякий случай, обзвонил больницы.

– Это бесполезно! – ударил Эд по столу кулаком. – Он мог попасть в больницу в любом месте, выехав за пределы города! На это уйдет уйма времени. Да и ерунда все это. Авария – нам бы уже сообщили, у него все телефоны зафиксированы,

паспорт с ним. В больницу загремел – сам бы позвонил.

– А если без сознания? – Дэн связался со своей больницей, уточнил новости. – Мы постоянно забываем, что дед намного старше нас, что в жизни бывает всякое, на что его организм среагирует не так, как даже твой, отец.

– Так документы с ним, мы бы все равно узнали! – все еще возражал Эдгар, не допуская худшего.

– Что верно, то верно. – кивал Жан. – Так что будем делать? Проблема-то есть и не одна. Вы только представьте, если, не дай бог, он в бессознательном состоянии. Анализы..., на него же, как на пришельца смотреть будут. А еще хуже, если он бредит!

Ты, это, не утрируй! – Дэн чесал затылок, как в самые тупиковые моменты. – Ничего с ним подобного не случилось!

– Тогда что мы можем сделать? Неужели, сидеть и ждать? – Жан все больше склонялся, что Николая у Ольги.

– Нет! – Дэн отрицательно качал головой. – Он к ней не поехал. Мы с ним говорили, перед самым отъездом, так сказать, секретничали. Он мне сам сказал: «Я вышел из-под ее власти, излечился. Нужен буду, пусть приезжает».

– Так категорично я бы не заявлял. – Эд склонялся на сторону отца. – Она могла позвонить, попросить приехать! Мало ли что у нее стряслось. Мы сколько лет от нее никаких вестей не получали. Могла ведь позвонить? Могла! Да и откуда мы знаем, что они не созванивались?

– Могла.... – Жан задумался. – Хотя, отец действительно

изменился. Он бы кому-нибудь, да сказал. Подумать, надо подумать! Эд, спустись вниз, просмотри записи, что-то да найдешь. Дэн, ты куда названиваешь?

– Деду! Не отвечает, хотя уже в зоне. Да и дома обзваниваю, может, где появлялся.

– Хорошо! Я тоже сделаю пару звонков. – Жан связался с человеком, которому не раз помогал: – Сергей Павлович! Извини, что так поздно беспокою. У меня проблемка... Отец пропал, давно... Нельзя ли как-то пробить, где светилась его машина. Да! Хорошо! Утром подъеду. – Жан продиктовал номер машины и повернулся к Дэну. – Ну, что?

– Ни в одном из домов не появлялся.

– Ясно, что дело темное. Придется ждать, до утра...

Может ли порок быть слабостью? А маленькая человеческая слабость – пороком? Где грань между двух этих понятий? В чем мерило? Кусочек шоколада съеденного с удовольствием – слабость или порок? Бутылка водки, выпитая в горе – не первый ли шаг к пороку, затягивающему в бездну? Так что же есть наши пороки? И думаем ли мы над этим, отмеряя, шаг за шагом, такую короткую жизнь?

Николас сидел за столом рулетки, потеряв счет дням. Сначала он просчитывал ходы, делал пару ставок, выигрывал и уезжал. Но каждый раз ему хотелось попробовать что-то новое, так он дошел до этого стола и застрял на нем. Выиграл и тут же проиграл. Опять выиграл, хватило силы ото-

рваться. Вернулся на следующий день и проиграл не только намеченную сумму, но и деньги на карманные расходы. Три дня подряд не везло, наконец, фортуна улыбнулась – он вернул практически все и покинул казино. Однако домой не поехал, не хотелось возвращаться ни с чем, поехал дальше и менял заведения сразу после выигрыша, а он приходил не сразу. В этом клубе ему категорически не везло – он проиграл не только предыдущий выигрыш, наличные, но и достал карточку, которая была на половину пустой.

– Ставлю последний раз и завязываю! – говорил он не первый раз. Тем не менее, этот мог быть действительно последним, он остался ни с чем.

– Ставки сделаны. Ставок больше нет! – барабан крутился и крутился, а Ник, как замороженный, не отводил глаз от шарика. – Зеро! – услышал он спасительный голос и не удержался, закричал:

– Есть! – взял фишки, пошел к окошечку. Проходя мимо очередного стола, бросил взгляд на зеленое сукно, но удержался. – Оставлю удовольствие на завтра!

Вернулся в номер, посчитал выигрыш, сопоставил с проигрышем и решил, что не все еще потеряно, заказал ужин в номер.

– Как день? – поинтересовался швейцар, (или портье, или официант, Ник не понял, ночь, никаких знаков отличия на одежде не было), принесся заказ, стоя у тележки и не спешил покидать номер.

– Не важно! – ответил Ник.

– Проиграли? – парень бросил взгляд на брошенные в спешки вещи.

– Значительно. – ухмыльнулся Николя: – Но надежда, как всем известно, умирает последней.

– Могу предложить альтернативу. – парень сделал шаг к нему, склонил голову, говоря совсем тихо.

– Интересно. – глаза Ника заблестела, что не осталось не замеченным.

– У нас в гостинице часто играют в покер, вы как?

– Не очень. – скривился Николя. – Но, спасибо за информацию.

– Пожалуйста. Будет скучно – я могу порекомендовать вас. – Юноша, уходя, оставил номер своего мобильного.

Николай неспешно поел, выставил посуду за дверь и упал на кровать, поняв, насколько устал. Рукой нащупал мобильный – тот был разряжен. Достал зарядное, всунул шнур и ушел в душ. Послышался легкий шум, но он решил, что это забирают посуду. Улегся и сразу же заснул. Присутствие постороннего в номере вывело его из сна:

– Кто там? – крикнул он, слыша шепот у двери. Замолчали. – Наверное, спутали номер! – успокоил себя Николай, но сон уже пропал. Первым желанием было пойти в казино, отыгратья немного и, отдохнув день, покинуть этот городок. Вот только подняться не смог – постель была неплоха, тело требовало расслабления, он решил пропустить. Лег

на бок, нащупал на полу мобильный, открыл: масса пропущенных звонков и большинство от семьи. – Неужели что-то случилось? – глянув на часы, не стал выяснять до утра. За вызовами семьей, обнаружил звонки Степана – этому можно и позвонить: – Доброй ночи! Ты звонил? Что-то срочное?

«Звонил. Не то, чтобы срочное. Вы сказали, что уехали на два дня, а уже почти месяц прошел. Я волновался».

– Сколько? – Ник искренне удивился, даже сел. – А так, все в порядке?

«Спокойно. Так, где вы и когда ждать?»

– Скоро буду. Спокойной ночи. – Ник отключился. – Вот это я загулял! Надо наведаться домой. – он зажег свет, собрал вещи, решив заехать в казино и сделать одну ставку, перед дорогой домой. Последним взял портмоне и уже по весу понял – пусто. Открыл, денег не было вообще! – Не понял? Я пришел, пересчитал, оставил мелочь за ужин и убрал все. И где они? Вот гаденыш! – Ник сразу подумал на официанта, уж больно он гулял глазами по номеру. Но, на всякий случай проверил все еще раз – ничего! Только паспорт и карточка. Наличных ноль! Проверил брюки, там были права и ключи от машины. – Доказать, что это он я не смогу, но попытаться надо! Администратора не вызовешь, время не подходящее.... Так! Он мне оставлял номер.... – Ник поискал, но и карточки не нашел. – Вот теперь и сомневаться нечего – это он! Я листочек положил на телевизор, под пе-

пельницу, ветра не было, пепельница на месте, забрал, чтобы спрятать концы! Значит, мне не показалось, в номер заходили. Вот только когда? Сейчас или когда я был в душе? А! ... Это не важно! Вот откуда он узнал, что у меня есть деньги? Тут одно из двух – либо сливает кто-то из казино, либо... Надо что-то делать... Уезжать нельзя, сума то приличная! Надо попробовать вернуть хотя бы часть... – у него завибрировал мобильный, но он не ответил, думал и думал. – Точно! На горячем.... Только на горячем! – и решительно пошел вниз. Дежуривший менеджер у стойки заулыбался:

– Доброй ночи, не спиться? Решили прогуляться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.